ДЛЯ СЛУЖЕБНОГО ПОЛЬЗОВАНИЯ

22 АПРЕЛЯ — 96 ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ В. И. ЛЕНИНА

ПО ВСЕЙ ВСЕЛЕННОЙ ШИРИТСЯ ШЕСТВИЕ — МЫСЛЕЙ, СЛОВ И ДЕЛ ИЛЬИЧА

В. МАЯКОВСКИЙ

Ленинский шаг

Ну как это выглядит просто:
Такой же простой, как народ,
Совсем невысокого роста
Ильич нам навстречу идет.

Вчера на субботнике бревна
Он с нами таскал, а сейчас
Спешит он походкою ровной
В бессчетных заботах
о нас.

Заботы о хлебе и стали
Торопят вперед и вперед.
И настежь распахнуты *двери*
Эпохи, и время не ждет.

То Красная площадь
а столице,
То шумная сходка а селе.
Он счастлив, коль дело
спорится
На вздыбленной нашей
земле.

Россия — у вздутого горна,
И мешкать нельзя ни за что.
И чтобы шагалось просторно,
Внакидку надел он пальто.

Осенние тихие Горки...
Он отдыху рад и не рад:
Все тот же — спокойный
и зоркий —
Нацелен в грядущее взгляд.

В нем столько сердечного
света!
Рабочая сжата рука, —
Творец государства Советов
Идет с фотографий в века.

П. ПАНЧЕНКО

К пятидесятилетию Советской власти издательство «Советский художник» готовит фотоальбом, посвященный героической истории нашей Родины. Воспроизводим две страницы из этого альбома.

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

Орган правления Союза писателей СССР

ГОД ИЗДАНИЯ 37-й | № 48 (3971) | ЧЕТВЕРГ, 21 АПРЕЛЯ 1966 г. | ЦЕНА 4 коп.

ПЕРВЫЕ МЕСЯЦЫ ПЯТИЛЕТКИ

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ СТРАНЫ ДОСРОЧНО ВЫПОЛНИЛА ПЛАН ПЕРВОГО КВАРТАЛА 1966 ГОДА

Работники промышленности, развернув социалистическое соревнование за достойную встречу XXIII съезда Коммунистической партии Советского Союза, досрочно, ко дню открытия съезда, выполнили план 1 квартала первого года новой пятилетки по общему объему производства и по выпуску важнейших видов промышленной продукции, говорится в Сообщении Центрального статистического управления СССР. Прирост производства промышленной продукции в 1 квартале 1966 года по сравнению с 1 кварталом прошлого года составил 7,9 процента.

ЛГ интервью

ПИСАТЕЛЬСКАЯ ЛЕНИНИАНА

Несколько лет назад по инициативе московских писателей и Политиздата началась большая работа коллектива литераторов над первой книгой Ленинианы. При издательстве был создан общественный совет писателей, который возглавил секретарь правления Союза писателей СССР Г. М. МАРКОВ.

Недавно читатели получили уже третий том этого обширного коллективного труда.

Корреспондент «Литературной газеты» С. Смоляницкий попросил Г. М. Маркова рассказать о планах дальнейшей работы над писательской Ленинианой.

— Прежде всего, — говорит Г. М. Марков, — одна примечательная черта: общий замысел Ленинианы беспрерывно обогащался, расширялся в процессе работы. Теперь, когда вышло уже три тома, а четвертый находится в производстве, можно, пожалуй, в главных чертах охарактеризовать все издание в целом.

Как известно читателю, первая книга «У истоков партии» посвящена соратникам Владимира Ильича Ленина, тем, кто стоял у истоков партии, кто во главе с Лениным создавал ее. Вторая — «Партия шагает в революцию» — главным образом обращена к периоду от III съезда и до свершения Октября. Здесь мы встречаем новые имена революционеров — пополняются ряды Ленинской гвардии, и мы воочию убеждаемся, как великие идеи Маркса и Ленина завоевывают все большие массы трудового народа.

Третья книга «Светом ленинских идей» несколько отличается от двух предыдущих. Если в первых книгах личность Ленина, его деятельность раскрываются через взаимоотношения Владимира Ильича с близкими соратниками по борьбе, и мы видим Ленина — вождя революции, политика, философа, великого организатора и строителя партии коммунистов, первого в мире социалистического государства, то в третьем томе возникает образ Ленина, как зодчего новой социалистической культуры. В очерках о современниках Ленина, выдающихся деятелях искусства, литературы, науки мы ощущаем свет ленинских идей, давших жизнь нашей культуре. Читатель, еще не успевший познакомиться с этим томом, найдет здесь волнующие примеры того, как великая вдохновляющая сила ленинских идей овладевала умами и сердцами людей, казалось бы, полностью поглощенных лишь своей областью знания, лишь своим путем в искусстве...

Четвертый том, который, как я уже сказал, находится в производстве, называется «Ленинская гвардия планеты». Он посвящен интернациональным связям Владимира Ильича с виднейшими борцами международного коммунистического движения. Очень конкретно, через людские судьбы и события, раскрывается в нем величие вождя мирового пролетариата, идей коммунизма, которые охватили весь мир, дали ясную программу действия, вдохновили трудящихся всех континентов на борьбу за свободу, за счастье народов.

Название пятому, заключительному тому Ленинианы, над которым идет работа, дала крылатая строчка из «Интернационала» — «Мы наш, мы новый мир построим». Том будет многотемным. В него войдут рассказы о победе Октября и первых шагах Советской власти под руководством Ленина, о славных трудовых делах советского народа, сплоченного вокруг родной партии, о готовности советских людей отдать все силы во имя осуществления ленинского плана построения коммунистического общества.

Так возникает коллективный портрет Владимира Ильича Ленина на большом историческом фоне, ибо в каждом очерке раскрывается не только жизненный путь того или иного революционера, но и его связь с Лениным, совместная борьба за великое дело. И каждый новый факт, каждая новая деталь, подробность прибавляют еще один штрих к вечно живому образу гения человечества Ленина.

Этот большой, напряженный коллективный труд (достаточно сказать, что только в первый том вошли очерки более сорока авторов) будет завершен к пятидесятилетию Советской власти. Не могу не сказать здесь о том, с каким увлечением и с какой любовью трудятся работники издательства, писатели, представляющие братские национальные литературы нашей страны, над созданием этой документально-художественной Ленинианы.

— Вы охарактеризовали жанр, как документально-художественный. Значит ли это, что в очерках о соратниках Владимира Ильича Ленина возможен вымысел, что там есть эпизоды, не подтверждающиеся документально?

— Материал всех произведений, вошедших в Ленинниану, строго документальный. Это — наш главный принцип. В очерках использованы архивные материалы, во многих случаях новые сведения и документы. Прежде чем сесть за письменный стол, авторы зачастую становились исследователями и историками партии, разыскивая новые материалы, обращаясь к воспоминаниям современников, по крупице собирая неизвестные факты... Когда я сказал «художественный», я имел в виду принцип отбора и организации материала, эмоциональный, образный строй произведений, язык...

Мне думается, что это вообще очень плодотворный путь. В этом смысле писательская Ленинниана — лишь начало новых книг, которые еще будут написаны. Ведь ленинская тема поистине неисчерпаема, ее горизонт поистине необозрим.

— Еще один вопрос, Георгий Мокеевич. В вышедших томах опубликованы два ваших очерка — о П. П. Постышеве и И. И. Радченко, с которыми вам довелось встречаться. Примете ли вы участие как автор в последующих томах?

— Для четвертого тома я написал рассказ, в центре которого имена Ленина и Либкнехта. Намереваюсь также участвовать и в пятом, заключительном томе.

— От имени издательства, коллектива авторов, — говорит Г. М. Марков в заключение беседы, — мне хотелось бы выразить нашу сердечную благодарность музеям В. И. Ленина и Революции, Институту марксизма-ленинизма при ЦК КПСС за большую помощь, которую они постоянно оказывают в нашей работе.

ВРЕМЯ, ВПЕРЕД!

М. ГУС

ДЕЛЕГАТУ XXIII съезда партии макеевскому сталевару В. В. Холявко прямо из цеха позвонили в Москву: друзья по труду, выполняя предсъездовские обязательства, в ночную смену дали сверх плана 120 тонн стали.

Это один из тысячи телефонных разговоров, которые ежедневно вели делегаты съезда. В каждом таком разговоре, в каждом письме, в каждой телеграмме из тысяч, ежедневно прибывавших в специальное отделение связи во Дворце съездов, были вести о сверхплановых тоннах стали, киловатт-часах электроэнергии, высокопроизводительных машинах и станках, метрах тканей, килограммах мяса.

XXIII съезд был как бы гигантским ускорителем трудовой энергии всего советского народа.

В апреле 1918 года, на заре Советской власти, В. И. Ленин писал, что коренная экономическая и техническая революция в отсталой России «может быть успешно осуществлена только при самостоятельном историческом творчестве большинства населения».

То, чему XXIII съезд подвел итоги, и то, что он наметил на предстоящее пятилетие, есть не что иное, как результат и программа всенародного творчества.

В труде сталеваров участвуют и те, кто в лабораториях и институтах разрабатывает теоретические проблемы металлургии. И не только люди науки, а и вся наша интеллигенция, вся огромная армия умственного труда.

Невиданные ранее темпы роста эффективности общественного производства стали возможны благодаря росту всенародной творческой энергии. А в этом историческом процессе большую роль играл и играет могучий поток умственной энергии народа.

Почти три пятых рабочих промышленности имеют ныне среднее образование. На наших заводах возникло и ширится движение рабочих-исследователей, возникают заводские общественные институты — из рабочих и инженеров.

Параллельно повышению культурного уровня людей так называемого физического труда (для многих и многих производств современной индустрии это уже отживший свое время термин!) протекает процесс быстрого аккумулирования творческой энергии в советской интеллигенции. В самом деле: в 1926 году 2,6 миллиона человек, занятых в сфере умственного труда, составляли менее двух процентов всего населения, а ныне 25-миллионная армия интеллигенции представляет более пятой части занятого населения нашей страны.

В социалистическом общественном производстве непрерывно возрастает роль науки и культуры, роль народной, советской интеллигенции.

ДОБИТЬСЯ резкого повышения эффективности общественного производства, чтобы обеспечить достижение новых рубежей в строительстве коммунизма, — такова цель экономической политики партии.

Повысить эффективность общественного производства — это и значит непрерывно увеличивать коэффициент творческой энергии народа.

А рост этой энергии включает и дальнейший подъем культуры. Более того, культурный подъем есть одна из важных предпосылок общего роста эффективности общественного производства.

Если мы хотим уяснить себе историческую роль художественной культуры в великом процессе построения коммунизма, если мы хотим найти верный компас для движения вперед нашего искусства и литературы, то следует навсегда отбросить чисто рецептурные советы, пресловутые литературные «лоции», поучающие, как безопаснее проскочить между Сциллой лакировки и Харибдой очернительства. Вместо подобных рекомендаций мы располагаем ценнейшими методологическими указаниями марксистско-ленинской науки.

Вот одно из них — в примечании к XIII главе первого тома «Капитала». Я приведу его, так как оно очень непосредственно и очень прямо касается вопроса о месте художественной культуры в общем потоке творческой энергии народа. Маркс писал в этом примечании:

«Конечно, много легче посредством анализа найти земное ядро туманных религиозных представлений, чем, наоборот, из данных отношений реальной жизни вывести соответствующие им религиозные формы. Последний метод есть единственно материалистический, а следовательно, единственный научный метод».

Сказанное Марксом о религиозной форме общественного сознания применимо, конечно, и к художественной идеологии общества. Из данных отношений реальной общественной жизни выводить соответствующие им художественные формы — это и есть научный метод теории литературы и литературной практической политики.

Сегодня «отношения реальной жизни» — это всенародное творчество, ближайшая цель которого — за пять лет увеличить совокупный общественный продукт почти в полтора раза.

Литература, с одной стороны, есть как бы зависимая переменная или функция от материального производства. С другой стороны, литература — могучий фактор этого непосредственного процесса производства жизни и общественных условий жизни советского народа.

Советская литература давно стала аккумулятором духовной, творческой энергии народа — строителя нового мира.

Эта ее всемирно-историческая роль «духовной энергетики» социализма и коммунизма в Резолюции XXIII съезда по Отчетному докладу ЦК КПСС сформулирована хотя и кратко, но выпукло, ясно и точно:

«Партия ожидает от творческих работников новых значительных произведений, которые покоряли бы глубиной и правдивостью отображения жизни, силой идейного пафоса, высоким художественным мастерством, активно помогали бы формированию духовного облика строителя коммунизма, воспитывали в советских людях высокие моральные качества, преданность коммунистическим идеалам, чувство гражданственности, советского патриотизма и социалистического интернационализма».

ТЕПЕРЬ, когда XXIII съезд поставил перед народом грандиозные практические задачи и призвал сосредоточить все усилия на их успешном разрешении, особенно видна несостоятельность одной из концепций литературы, которую, как мне представляется, можно назвать «теорией микроправды».

Мне хочется еще раз прибегнуть к примеру из области математики.

Советская математика в работах замечательных ученых М. М. Лаврентьева, А. Н. Тихонова, В. К. Иванова нашла принципиально новые и успешные методы решения так называемых «некорректно поставленных задач». Это такие задачи, в которых малые изменения исходных данных могут вызывать большие отклонения в решениях.

Теория «микроправды» в литературе, думаю я, и оперирует своего рода «некорректными задачами», которые решает, к сожалению, абсолютно неверно.

Я разумею под этим, что иной раз в литературе микроскопические отклонения в исходных данных, то есть в отборе и изображении конкретных фактов и явлений жизни, приводят к большим погрешностям в выводе, то есть в анализе и воспроизведении жизни в целом.

Это происходит, когда художник творит, руководствуясь «микроправдой», когда он разделяет единую правду действительности на «правду века» и на «правду факта», каковую и признает наиглавнейшей и наиважнейшей.

Но правда действительности, воспринимаемой нами диалектически, во всей ее противоречивости, всегда одна. И весь секрет состоит здесь в том, чтобы уметь увидеть эту истину действительности и в отдельном факте, увидеть именно диалектично, то есть в борьбе противоречий, их движении, их развитии.

Теория же «микроправды» отнюдь не обеспечивает решения тех «некорректных задач», когда из небольших и разрозненных фактов необходимо извлечь истинное содержание большого явления или процесса действительности.

XXIII СЪЕЗД КПСС определил не только цели, но и методы, стиль творчества народа, созидающего коммунизм.

Это ленинский стиль сугубой деловитости и вместе с тем смелости, подлинной свободы и вместе с тем незыблемой общественной, гражданской дисциплины.

Это стиль отважных поисков новых путей к заветной цели, настойчивости в осуществлении нового, добытого в поисках.

Именно таков творческий стиль сталеваров-макеевцев.

Творческий стиль в умственном труде, в науке, в художественном «производстве» сродни — да иначе и быть не может! — стилю передовых сталеваров, машиностроителей, добытчиков нефти, покорителей космоса, стилю нашей современной жизни.

Это стиль изучения, анализа, воспроизведения сути нашей действительности в ее истинности, в ее противоречивом движении вперед и только вперед.

ПРАЗДНИК ВЕСНЫ — ПРАЗДНИК ИСКУССТВ

ПРАЗДНИКОМ весны называют Декаду белорусской литературы и искусства в Узбекистане. Букетами весенних цветов встретили тысячи жителей Ташкента белорусских писателей, артистов, художников, композиторов, кинематографистов.

В воскресенье утром ташкентцы собрались на площади имени Олега Кошевого. Здесь развернулась большая книжная ярмарка. На белорусском, узбекском и русском языках звучали стихи поэтов братской Белоруссии. Любители литературы получили книги с автографами участников декады: П. Бровки и Я. Брыля, П. Панченко и М. Лужанина, В. Витки и А. Кулаковского, О. Лойка и М. Аврамченка. Эта встреча была тем радостней, что и открытию декады в Узбекистане были выпущены новые сборники стихов и рассказов белорусских писателей.

А вечером в огромный зал Дворца искусств пришли тысячи ташкентцев. Открыл вечер секретарь ЦК КП Узбекистана Р. Нишанов.

От имени ЦК КП, Президиума Верховного Совета и правительства республики гостей приветствовал кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь ЦК КП Узбекистана Ш. Р. Рашидов. Он отметил огромное значение подобных декад литературы и искусства в деле сближения национальных культур, о единстве и взаимном обогащении братских культур говорили секретарь ЦК КП Белоруссии С. А. Пилотович, председатель правления Союза писателей Белоруссии П. Бровка, узбекская поэтесса Зульфия и другие.

Участники декады, разделившись на несколько групп, выехали в Самаркандскую, Хорезмскую, Сурхандарьинскую области и в Каракалпакскую АССР.

А. ЯКУБОВ

Наш корр.

ТАШКЕНТ. (По телефону)

ПЛЕНУМ ЛИТЕРАТОРОВ РОССИИ

Вчера в Центральном Доме литераторов открылся пленум правления Союза писателей РСФСР. Вступительное слово произнес председатель правления Л. С. Соболев. С докладом о подготовке к 50-летию Октября и задачах литераторов Российской Федерации в связи с решениями XXIII съезда КПСС выступил секретарь правления М. И. Алексеев.

По докладу развернулись прения.

ПОЭТЫ ЗА «КРУГЛЫМ СТОЛОМ»

Состоялась традиционная встреча за «круглым столом», организованная редколлегией сборника «День поэзии». Московские поэты и критики обсуждали принципы подготовки нового «Дня поэзии», говорили о насущных задачах поэтической работы.

Встречу открыл М. Львов. О работе редакционной коллегии «Дня поэзии 1966» рассказал главный редактор книги В. Боков.

Очередной поэтический ежегодник, который выйдет накануне 50-летия Советской власти, должен отличаться высоким литературным качеством и большой политической активностью, говорил в своем выступлении Я. Смеляков. Он подчеркнул основное требование к произведениям «Дня поэзии» — общественность, общественная значимость тематики.

Латышский поэт А. Имермаис, говоривший о растущей популярности поэзии в наши дни, остановился и на некоторых теневых сторонах этого процесса. Не является ли, в частности, спросил он, шумный «эстрадный» успех порой результатом снижения профессионального уровня?..

Выступили также И. Ваулов, М. Вулин, Д. Голубков, В. Дементьев, С. Куликов, А. Поперечный, В. Приходько, Ю. Прокушев, В. Файнберг и Ф. Фоломин.

ПЯТИЛЕТКА

ПРОБЛЕМЫ ВОКРУГ НАС

Академик А. АЛЕКСАНДРОВ

СЛОВО О СОЦИОЛОГИИ

НАЧНУ с некоторых азбучных истин.

Общеизвестно: целью социалистического производства является удовлетворение потребностей общества и каждого гражданина в отдельности.

Бесспорно поэтому: составление государственного плана должно опираться на достаточно обоснованное представление об этих потребностях.

Это особенно очевидно в отношении продуктов и предметов народного потребления. Они производятся для того, чтобы удовлетворять необходимые, как справедливо говорится, постоянно растущие запросы людей, и эти запросы нужно изучать. Их изучение является в действительности серьезной научной проблемой.

Очевидно далее, что производство не может развиваться в отвлечении от проблемы рабочей силы и рабочих рук. Дело не только в том, чтобы обеспечить предприятия необходимыми кадрами, заполнить, будто некий кроссворд, все клеточки штатных расписаний. Необходимо предусмотреть пути наиболее рационального использования трудовых ресурсов, нужно учесть, к каким специальностям тяготеет молодежь, как мы можем обеспечить для работников производства необходимые бытовые и культурные условия. Поэтому планы размещения промышленности, постройка или расширение любого предприятия неизбежно захватывают целый комплекс проблем, непосредственно касающихся жизни людей.

Если мы обратимся к задачам управления, то научно обоснованное их решение неизбежно упирается в такие проблемы, как отношения в рабочем коллективе, оптимальные размеры коллектива, соотношение в нем работников разных специальностей.

Можно было бы продолжить и конкретизировать это перечисление, но не будем этого делать. Вывод представляется достаточно ясным: вопросы развития производства, экономики, управления могут быть рационально решены только в неразрывной связи, а часто только на основе серьезно поставленных социологических исследований.

О социологии говорилось в ряде выступлений на XXIII съезде КПСС, разработка проблем социологии сформулирована в Резолюции съезда как одна из важнейших задач советских ученых. Перед нами стоят не только технические и экономические, но также социальные, человеческие проблемы, и решать их надобно, руководствуясь наукой. В этом суть.

МЫ как будто ясно понимаем значение «человеческого фактора» в производстве. Многократно повторяем, что главной производительной силой общества являются люди. Но, скажем прямо, зачастую мы понимаем и принимаем эти истины чисто «гуманитарно», эмоционально, публицистически. На самом деле такие, к примеру, проблемы, как подготовка кадров, система поощрений или оптимальная структура учреждения, — если подходить к ним по-марксистски — должны быть поставлены на почву настоящей, серьезной, точной науки. Наука же начинается с кропотливого изучения конкретных фактов и их обобщения на основании методов и теорий, развивающихся вместе с изучением фактов. Таким образом, выдвигается (самою жизнью!) задача всемерного расширения конкретных социологических исследований.

В нашем распоряжении — такое нержавеющее оружие, как марксистский метод, ставящий нашу социологию на последовательную научную основу. В нашем распоряжении — и специальные методы социальной статистики, моделирования, кибернетики.

Известно, что построение коммунизма объединяет три задачи: создание материально-технической базы коммунизма, формирование коммунистических общественных отношений, формирование человека коммунистического общества. Если построение материально-технической базы коммунизма, рациональное, научно обоснованное планирование производства невозможны без решения проблем не только экономических, но и социологических, то тем более формирование общественных отношений и человеческой личности требует как своей необходимой научной основы глубоких социологических исследований. Не кто иной, как В. И. Ленин, постоянно издевался над подменой конкретного, кропотливого изучения жизненных фактов общими рассуждениями!

По известным словам Энгельса, человечество, переходя к коммунизму, совершает скачок из царства необходимости в царство свободы. Свобода окажется реальной, а не кажущейся ровно в меру того, насколько человек, свободно выбирая свои действия из ряда возможностей, предвидит необходимые их последствия. Мы будем переходить в это царство свободы — к коммунизму — как как раз настолько и в меру того, насколько мы будем овладевать научным знанием общественных явлений и закономерностей, насколько мы научимся руководствоваться этими знаниями в планировании всех сторон жизни общества.

В таком научном познании важную роль играет изучение конкретных социальных явлений во всем их многообразии, то есть социологические исследования. Может быть, я слишком часто повторяю это словосочетание, но — да простится мне! — делаю это сознательно. Ведь поныне при всем огромном значении социологии положение ее у нас остается неудовлетворительным, развитие ее совершенно недостаточно.

НАЧНЕМ с подготовки кадров. Она ведется в крайне ограниченных масштабах, может быть, в двух-трех университетах, на основе самодеятельности немногих энтузиастов этого дела. В перечне специальностей, по которым вообще готовятся в нашей стране люди с высшим образованием, просто нет такого термина — социология. Создается впечатление, что в глазах Министерства высшего и среднего специального образования СССР такая наука вовсе не существует. Пора бы преодолеть это давнишнее заблуждение и понять, что социологи уже теперь нужны не только для научной работы, но для решения чисто практических вопросов в партийных и государственных органах, на многочисленных предприятиях. Может быть, социология считается частью философии, и поэтому ее не находят нужным выделять как особую специальность? Но такая позиция не принесет пользы ни социологии, ни философии. Она, с одной стороны, не способствует более четкому выделению специфических задач социологии, а с другой, — ведет к тому, что порой философию в подлинном ее значении подменяет разработка специальных конкретных вопросов.

Развитие научной работы в области социологии должно, казалось бы, направляться Академией наук СССР. Но академия особой инициативы здесь не проявляет. Правда, социологическая работа осуществляется в какой-то мере в Институте философии. Давно пора, однако, подумать об особом (и достаточно мощном!) научном институте. Большую инициативу в области социологических исследований проявляют в последнее время университеты. Но эти начинания не находят пока достаточной поддержки.

Социологические группы создаются и партийными органами, которые выказывают здесь более дальновидное понимание значения науки, чем иные учреждения, которым «по штату» положено заботиться о развитии науки. Социологические проблемы ставят и практические работники. Например, в статье, опубликованной осенью прошлого года в одной из центральных газет, рассказывалось о дискуссии работников сельского хозяйства Кубани. Один из участников дискуссии, работающий в колхозе, указал на существующую у нас проблему оптимального размера колхозного коллектива. Малый колхоз экономически не выгоден, но в слишком большом коллективе отдельный колхозник в значительной степени утрачивает непосредственное чувство хозяина, о котором мы столь много пишем и говорим. «Нам нужен ответ на этот вопрос, но ученые его не дают», — так было сказано. И этот упрек, к сожалению, заслуженный.

НАША страна вступила в новый этап своего развития на пути к коммунизму. Директивы по пятилетнему плану, утвержденные XXIII съездом партии, — свидетельство того, что мы объявили войну субъективистскому подходу к народнохозяйственным проблемам, что мы строим свои планы на базе реалистической, трезвой, деловой оценки наших возможностей.

Именно поэтому социология — это не просто частная проблема нашего развития. Научные конкретные исследования человеческих отношений в процессе производства и потребления существенно важны для правильного планирования жизни общества в целом.

Нужна широкая программа развития социологии в нашей стране. Некоторые меры, на мой взгляд, можно было бы принять очень быстро. Следовало бы, во-первых, ввести в список университетских специальностей социологию и развернуть в тех университетах, где для этого есть условия (а они есть в ряде университетов!), подготовку по этой специальности начиная с предстоящего учебного года. Во-вторых, необходимо всемерно поддержать те ячейки в университетах, где уже ведутся социологические исследования. В-третьих, пора, как мне кажется, образовать в Академии наук социологический институт.

Научные учреждения должны не только разрабатывать теорию и методологию исследований, но также принимать участие в решении насущных практических задач. Для этого нужна их тесная связь с Госпланом, Статистическим управлением и другими государственными органами. Они же должны осуществлять методологическое руководство социологическими исследованиями, ведущимися на общественных началах. Наконец, желателен выпуск специального научного журнала по вопросам социологии.

НОВОСИБИРСК

В. И. Ленин и дети

Линогравюра В. Никольского

ПАМЯТИ ПЕВЦА РЕВОЛЮЦИИ

СЕМИДЕСЯТИЛЕТИЕ со дня рождения первого пролетарского литовского поэта, пламенного певца революции Юлюса Янониса широко отмечается в Ленинграде. Сюда приехали литераторы Литвы — В. Реймерис, Т. Тильвитис, В. Шимкус, А. Жукаускас, мастера искусств республики, земляки поэта, а также группа поэтов Москвы. Вместе с ленинградскими писателями они приняли участие в литературных вечерах памяти Юлюса Янониса, которые состоялись в городском Концертном зале, в Педагогическом институте имени А. И. Герцена, выступили по ленинградскому телевидению.

Гости совершили поездку в город Пушкин, где покоится прах Юлюса Янониса, и возложили венки живых цветов на могилу поэта.

ЛЕНИНГРАД.
(По телефону)

ИЗ БЛОКНОТА ПИСАТЕЛЯ

СТАРЫЕ ОТКРЫТКИ

Николай РЫЛЕНКОВ

ПЕРЕД старыми друзьями — земляками, приезжающими после многих лет разлуки навестить родной город, я, грешный человек, люблю похвалиться своей коллекцией дореволюционных открыток с видами Смоленска. С этого обычно и начинаются бесконечные воспоминания о недавних и давно прошедших временах, разговоры о переменах в жизни города и в наших собственных судьбах. Рассматривая пожелтевшие, выцветшие от времени фотографии, мы как бы проходим по памятным местам нашей юности и молодости, по тем местам, которых теперь уже и узнать нельзя.

До войны такие открытки я видел во многих домах местных старожилов из интеллигенции. Купить их можно было в любое время если не в букинистическом магазине, так в книжном развале на толкучем рынке, но я по своей молодости не видел смысла в их коллекционировании. Зачем, думал я, собирать открытки с видами, которые у меня и так всегда перед глазами. Уезжать из своего города я не собирался, а о том, что придет такой день, когда на его месте увижу сплошные руины, не мог даже и помыслить. Но день этот, как вскоре оказалось, был не за горами, он стоял у нас за плечами.

Я ее стану рассказывать, как уходил в первые дни войны из полуразрушенного, подожженного со всех концов города. Скажу только, что на его кипящих, словно огненные реки, улицах и на его забитом беженцами вокзале мне в те дни довелось увидеть столько горя и столько мужества, что потом, на фронтовых дорогах, можно было уже ничему не удивляться. А когда я вернулся в Смоленск после изгнания немцев, — на всех его семи холмах шумел дремучий, как лес, бурьян. Над золой пепелищ и камнями развалин стоял несмолкаемый грай ворон. Они висели черными гроздьями на опаленных деревьях, клубились черными тучами в небе. Тут бессмысленно было вспоминать о своих личных утратах и горестях. А у меня в душе все уже так перегорело и переболело, что, разыскивая среди каменных завалов и ржавого железного лома следы своей юности, я упрекал себя только в одном: почему в свое время не собирал старых смоленских открыток. Пусть бы хоть они остались на память о том Смоленске, каким его узнала и полюбила моя юность и какого больше не существует.

Уж что-что, а открытки-то можно было унести с собой и не расставаться с ними во всех превратностях солдатской судьбы. Ведь таскал же я в полевой сумке самые любимые свои книги.

Между тем возвращавшиеся на моих глазах в город жители приспосабливали под жилье все, что можно было приспособить. В зарослях бурьяна по утрам все увереннее пели пилы, стучали топоры, по вечерам все больше загоралось огоньков.

Я верил, что город отстроится, как отстраивался на своем долгом веку много раз, что он может стать лучше, красивее прежнего. Но в также знал, что это будет уже совсем другой, новый город. И я твердо решил — собрать все, что возможно, из старых смоленских открыток.

При первой же поездке в Москву обошел все букинистические магазины, но ничего не нашел. Совершив несколько таких безрезультатных обходов, я, наверно, махнул бы рукой на свою затею или во всяком случае оставил ее до более благоприятных времен, если бы не встретился со своим старым знакомым, смоленским краеведом Владимиром Кириллычем Ермаченковым.

ПО ПРОФЕССИИ он был наборщиком и свою краеведческую деятельность начал с собирания дореволюционных смоленских изданий. Постепенно круг его интересов расширялся, и он стал собирать все, что связано с культурой и искусством родного города. В его коллекциях было немало всякой чепухи, но попадались и по-настоящему интересные вещи, особенно среди книг. На собирательство Владимир Кириллыч тратил все свои не очень большие заработки и жил бобылем. Ходил всегда в обтрепанном пальто и стоптанных сапогах, но никогда не унывал.

Мы, молодые литераторы, подшучивали над ним, и подшучивали не всегда безобидно, но он никогда не отказывался помочь нам раздобыть нужную книгу. Да и не только нам. Его хорошо знали и московские книголюбы. В самых знаменитых собраниях найдется немало забытых и полузабытых изданий с печаткой «Из книг смоленского краеведа В. К. Ермаченкова».

В первые дни войны я потерял его из виду, а вернувшись в Смоленск, сразу вспомнил о нем. Под руками не было самых необходимых книг. Нужно было заново начинать собирать библиотеку. От кого-то из общих знакомых я узнал, что Владимир Кириллыч эвакуировался куда-то в глубь страны, но разыскать его адрес мне не удалось. Однако вскоре он разыскал меня сам. Явился ко мне с целым чемоданом книг по фольклору, среди которых были такие редкости, как тома «Смоленского этнографического сборника» В. Н. Добровольского и его же «Словарь Смоленской губернии».

Надо ли говорить, как я обрадовался такому неожиданному гостю.

Одет он был в добротное солдатское обмундирование, но без погон, как вольнонаемный.

Я терпеливо выслушал его столь же обличительный, сколь и восторженный рассказ о том, как ему удалось вывезти из горящего Смоленска свои коллекции и разместить их на хранение в разных глубинных музеях, как, наконец, он устроился на самую подходящую для него работу в тыловом госпитале по эвакуации выздоравливавших инвалидов-офицеров, с удовольствием взял во временное пользование книги, продать их он наотрез отказался, и под конец спросил:

— Ну, а старые открытки с видами Смоленска вам в ваших разъездах не попадались?

Владимир Кириллыч самодовольно улыбнулся:

— Умные вещи чувствуют понимающего человека и сами к нему в руки идут. Я уже больше сотни открыток собрал.

— Так чего же вы молчите? Выкладывайте на стол.

— Не хочу вас дразнить,— усмехнулся Владимир Кириллыч. — Я собираю их для музея. При восстановлении города без них не обойтись. Я вам могу предложить только дубликаты.

— Ну что ж, давайте хоть дубликаты.

Он помялся, достал из кармана шинели конверт и подал мне.

— Это пока все. В следующий приезд надеюсь привезти еще.

В конверте оказалось около десятка открыток. Я увидел на них нетронутый немецкими бомбами днепровский мост, откуда я в последний раз перед войной смотрел ледоход; невырубленный немецкими саперами сад Блонье, где я читал стихи друзьям своей юности; непокореннные пожаром городские часы, показывавшие время всех моих встреч и разлук... Увидел башни крепостной стены. Только они одни и остались стоять нерушимо.

Так было положено начало моей коллекции. Владимир Кириллыч крепко держал свое слово, и с каждым его приездом у меня прибавлялось несколько открыток. А приезжал он довольно часто, так как по старой пословице — старцу деревня не крюк. Смоленск для него был всегда по дороге. Он мог завернуть сюда из любого места.

Появившись у меня, первым долгом спрашивал:

— А вы знаете, сколько за это время построено новых домов? Не знаете? Ну так я могу сказать точно. Я все сосчитал...

Осенью сорок пятого года он возвратился в Смоленск совсем, но возвратился, как говорится, на птичьих правах. Приехал без вызова. На постоянную работу, поскольку документы оказались не в полном порядке, его не брали.

НАШИ краеведы общими усилиями выхлопотали ему комнатушку, а в хлебных карточках уже не было нужды. Их отменили.

В типографии, на свою прежнюю работу, Владимир Кириллыч теперь уже не пошел сам. Летом он ездил со студентами педагогического института во всевозможные экспедиции — фольклорные, археологические, геологические, ему везде находилось дело, а зимой выполнял специальные поручения областного музея и областной библиотеки.

Так шли годы, проходили десятилетия. Город отстроился, сверстники Владимира Кириллыча постарели, многие уже обзавелись пенсионными книжками, а он остался таким же неугомонным, легким на ногу энтузиастом, каким был и в молодости. Подзаработав где-нибудь деньжонок, он тут же отправляется в Москву или Ленинград, чтоб оставить все свои сбережения в букинистических магазинах. Зато в городе не найдется, пожалуй, ни одного клуба, где бы не устраивались хоть бы раз в год его выставки. В одном он показывает редкие местные издания, в другом — автографы знаменитых земляков и выбитые в их честь медали, в третьем — афиши прославленных артистов, приезжавших когда-нибудь сюда с концертами.

СТАРЫЕ друзья Владимира Кириллыча называют его в шутку почетным попечителем смоленского музея литературы и искусства. Такого музея в городе нет, но Владимир Кириллыч неколебимо верит, что он будет. Будет хотя бы после его смерти.

О моей коллекции открыток он тоже не забывает до сих пор. Нет-нет, да и позвонит, что нашел кое-что интересное для меня. И по-прежнему отдает мне только дубликаты. Все наиболее интересное идет в собрание музея. Я, конечно, помалкиваю, что музей переснял все свое собрание и подарил мне целый альбом. Снимки — снимками, а подлинные открытки все-таки совсем другое дело.

Я люблю не только рассматривать, но и читать их по коротким сообщениям о радостях и горестях быстротекущей жизни, вникать в судьбы незнакомых мне людей, разгадывать их характеры.

Литератор чеховской школы по каждой из таких открыток мог бы написать рассказ. Мы разучились делать это. Нас давит собственный, пережитый и выстраданный нами материал.

Показав приезжим друзьям-землякам свою коллекцию, поводив их по памятным местам, сохранившимся в неприкосновенности только на открытках, я не забываю рассказать и о Владимире Кириллыче. И сколько раз мне приходилось слышать от самых разных людей, в том числе и от людей чисто практической складки: «Как хорошо, что не перевелись на Руси чудаки. И дай бог, чтобы не переводились никогда».

Весна «РТ»

22 АПРЕЛЯ выходит в свет первый номер нового еженедельного журнала «РТ». Издает его Комитет по радиовещанию и телевидению при Совете Министров СССР.

Ответственный секретарь Борис КРАЕВСКИЙ рассказал нашему корреспонденту о ближайших планах редакции.

— Это будет еженедельный, общественно-политический, иллюстрированный журнал.

Первый номер журнала выходит в ленинские дни, и, естественно, в нем ведущее место занимают материалы, посвященные знаменательной дате.

В журнале будет постоянная рубрика «Экономика после съезда». Привлечет внимание читателей и дискуссия на тему «Телевидение и общество».

Еще одна рубрика постоянно будет на страницах журнала — «Осторожно, в эфире ложь!». Здесь читатель найдет материалы, разоблачающие лживую пропаганду западных радиостанций, вещающих на Советский Союз.

Журнал будет публиковать радио- и телепрограммы, печатать письма радиослушателей и телезрителей. Значительное место отводится информации, сатире и юмору, спортивным новостям. Надеемся, что журнал займет достойное место в дружной семье советских изданий.

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Зинаида ГУСЕВА

ПОЕЗД шел к Риму. Землю Италии Владимир Ильич видел впервые. И было досадно, что только вот так — из окна вагона. Пойти бы сейчас неспешным шагом по этой проселочной дороге, что выбегает из-за холмов чуть не к самым рельсам и вьется рядом, словно заглядывавшаяся любопытная девчонка, то мостиком перескакивает через речку и снова карабкается в гору к селению из десятка домиков. Поговорить бы с этим крестьянином в широкополой шляпе, что, согнувшись, рыхлит мотыгой землю, или с тем, что натруженно пашет на паре белых волов...

Гордые пинии подняли к небу свои хвойные венцы. Под ними бредет осел с раздутыми от тюков боками, подгоняемый хворостиной босоногого мальчишки. Кудрявым облаком перекатывается с пригорка в ложбину стадо овец, за ними — тощая фигура пастуха и рыжая мохнатая собака. Старик сооружает в поле чучело — распялил на колу драные штаны и всовывает в них длинные пучки соломы.

Стекло в окне опущено до самого низу. Ветер, раздувая занавеску, врывается в вагон, и с ним дыхание нагретых трав, цветущих апельсиновых деревьев, на которых среди кипени лепестков круглятся зрелые оранжевые плоды. И эти невысокие сплошь зеленые горы, и те, что встали за ними синими зубцами, и спокойное течение многоводной Арно, так непохожей на бешеные реки Швейцарии, наполняли душу спокойствием и радостью.

Красота природы действовала на Владимира Ильича неотразимо. Он отзывался на нее всем существом. И всегда активно. Видел гору — хотелось непременно подняться на вершину, реку, озеро — ощутить грудью тугой напор воли, в лесу и поле — собирать цветы, грибы, чувствовать под ногой траву, песок, нагретую солнцем землю. Проплывали мимо маленькие тосканские города с красноскаменными башнями легких и стройных очертаний, разбросанные по склонам дома крестьян, мосты тысячелетней кладки. Горы то отступали, то сходились у полотна. В быстром движении менялись картины, и Владимир Ильич все не мог отвести глаз от окна.

Поезд остановился у станции Ареццо. Над самым перроном помахивал пушистыми ветвями вверх-вниз огромный кедр. И вдруг Владимир Ильич услышал имя Горького и всегда ударяющее по сердцу слово «Россия». Вдоль поезда бежал газетчик и, размахивая свежими номерами «Аванти», неистово выкрикивал: «Читайте, читайте! Самоубийства в России! Железнодорожная катастрофа в Мельбурне! Пожар в Марселе! Статья Максима Горького!»

Владимир Ильич быстро развернул газету. Несколько месяцев занятий итальянским при давнем знании латыни дали возможность свободно читать, даже не прибегая к словарю, который все же запасливо лежал в кармане. На первой же полосе кинулось в глаза: «24 575 сосланных в Сибирь». С ссылкой на лондонского корреспондента в Петербурге газета сообщала, что число политических ссыльных в России в нынешнем году намного превышает цифры предыдущих лет. Ссыльных по приговорам судов стало больше на тридцать пять процентов, без суда — на семьдесят.

Брови Владимира Ильича туго сдвинулись. Разгром многих организаций, муки товарищей. Редкой весточке удавалось пробиться с каторги. После каждой — бессонная ночь. Сомкнет глаза — и заметет пурга на дороге за Иркутском. В кандалах партийцы-товарищи. Вспомнилась чудом дошедшая записка из екатеринославской тюрьмы. Там, в камерах на тридцать человек, сидят по восемьдесят, людей косит тиф, а они тревожатся только за партию. И совсем недавнее, лишь несколько дней как полученное письмо старого латыша, схваченного жандармами за сына-революционера. В застенке рижской тюрьмы старика пытали много часов подряд — и не вырвали ни слова. Но не о своих страданиях написал, а как мужественно вынес пытки рядом с ним друг сына. Письмо Владимир Ильич отдал в набор для «Пролетария», а сейчас снова остро ощутил вместе с болью за товарищей по борьбе восхищение их стойкостью, полную душевную уверенность — с такими людьми обязательно победит пролетарская революция...

Глаза снова нашли заголовок «In Russja». Отменена привилегия Финляндии не поставлять солдат в русскую армию. Как и следовало ожидать, разгромив русскую революцию, царизм ополчился на «крамольную» окраину. «Пролетарий» из номера в номер дает разоблачающие сообщения. Надо и об этом сказать в очередной статье. Владимир Ильич обводит карандашом газетную заметку. Финский народ, несомненно, не сдастся без боя. А правящая буржуазия ищет соглашения. Уже сколько позорных шагов! Выдача русских революционеров царскому правительству. Ассигнование двадцати миллионов марок на военные нужды России. Даже высокомерный ответ Николая, что он не нуждался в разрешении сейма, чтобы забрать эти миллионы, не остудил усердия. Разъяснять и разъяснять, что только русская революция может дать Финляндии национальную независимость...

Он читает быстро, успевая схватить главное, запомнить нужное, сделать точнейший вывод. Вестей из Россия много. Подсчетом статистиков установлено число неграмотных — почти три четверти населения страны. Цифры пригодятся! Эпидемия самоубийств. Тоже кровавая жатва реакции!

А о чем пишет Горький? На каждой полосе в рамке призыв: «Читайте Горького!» Вот и статья. Ну, она знакома. Печаталась в мартовском французском журнале. И снова щемящее беспокойство...

Задумавшись, опустил на колени газету, прикрыл веки. И с приливающей нежностью, как всегда, когда думал о Горьком, увидел грубоватые мужицкие черты его лица и дивный свет умных, умеющих заглянуть в душу глаз. Год прошел с последней их встречи на Лондонском съезде. Алексей Максимович приехал тогда больной, с высокой температурой, и Владимир Ильич страшно опасался, как бы не расхворался еще сильней. Он был полон впечатлений от «Матери», прочитанной в рукописи, и эта книга, откровенный разговор о ней, тонкое понимание друг друга еще крепче сблизили их.

Вспомнил, как восторгался Алексей Максимович выступлениями делегатов-рабочих. Реакция сломила дух многих интеллигентов, все дальше отходивших от партии. В партийцах-рабочих Алексей Максимович тотчас почувствовал душевную твердость, психическое здоровье, несокрушимую веру в дело революции. Он как будто нашел тогда опору, прикоснулся к светлому роднику. Не потерялась ли сейчас эта опора, не очень ли оторван и одинок он на своем южном острове? Если бы не это опасение, разве ехал бы сейчас Владимир Ильич, оставив «Пролетарий» на одного Дубровинского, отложив свою, не терпящую ни дня промедления работу по философии.

Прикинул расстановку сил на Капри. Кто с ним? Мария Федоровна. Человек смелый и прямой, надежный партиец. Она, чай, не за бога. Но опасности философских заблуждений может не дооценить. Богданов, Базаров и, какая жалость, Луначарский — на противной стороне. Устный спор с ними абсолютно бесполезен. В бой пойдет во всеоружии аргументов его книга, что пишется сейчас. Од, как трудно было от нее оторваться даже на такое короткое время. Всего два дня назад ответил решительным отказом на телеграмму Алексея Максимовича: «Я очень извиняюсь, но по всему положению дел и состоянию редакции не могу поехать». И передумал. Жгуче почувствовал за настойчивыми вызовами Горького не только явное желание примирить всех, но и невысказанное его смятение, жадный поиск истины. Еще не зная, сколь далеко зашли его заблуждения — при громадной-то впечатлительности! — и возможно ли быстро их рассеять, даже предвидя вероятную неудачу, — не ехать на такой зов не смог...

Но что там еще в газете? Бегло просматривает международную хронику. Забастовка в Будапеште. Эмиграция сербского населения из турецких владений. С острым интересом вчитывается в заметки об итальянской жизни. Преследования забастовщиков. Суд над пятьдесятью железнодорожниками в Милане. Конфликт в металлургической промышленности. Как, снова гибель рабочих-строителей! Обрушилось строящееся здание, задавлены двенадцать рабочих.

Неожиданно для себя Владимир Ильич прочел это вслух. И вдруг его заставил оторваться от газеты чей-то дрогнувший, взволнованный голос: «Где? Когда?». Весь подавшись вперед, на него в упор смотрел пожилой итальянец. Когда он расположился напротив, Владимир Ильич, занятый газетой, не успел заметить. Теперь, взглянув в страдающее лицо, он понял, что человек несчастен, и личное горе, несомненно, как-то связано с только что прочитанным. Да, его старший сын — каменщик во Флоренции. Слава Марии, здание обрушилось не там. А вот с младшим — восемнадцатилетним Костанцо — уже стряслась беда. Он в Риме. Второго апреля был со всеми на площади дель Джезу, когда карабинеры стали стрелять в народ. Его сверстник и приятель Ромоло — видели бы вы какой парень, силач, красавец, сын старика Поллако из наших же мест, — убит наповал. Пуля попала в голову. У Костанцо ранено плечо. Сейчас он в больнице. Отец едет навестить.

На узком, словно высохшем лице, с глубоки-

Отрывок из документальной повести «Свидание на Капри», которая полностью будет опубликована в журнале «Москва».

НОВОСТИ

СТАНОВЛЕНИЕ

...ПЕТЕРБУРГСКИЙ университет. 1891 год. Володя Ульянов экстерном сдает экзамены за весь курс юридического факультета. Оценка — «весьма», высшая из возможных. Администрация и преподаватели университета прилагают все усилия, чтобы «срезать» политически неблагонадежного абитуриента. Последний экзамен...

Высокие потолки, массивные двери, стол, покрытый зеленым сукном, —чопорность официального кабинета. На противоположных концах стола—экзаменатор и экзаменующийся. Солидный, уверенный, спокойный протоиерей (артист И. Воронов) и юный, собранный, готовый к бою Владимир Ульянов (артист В. Головиченков). Чем кончится это столкновение? И хотя факты биографии Ленина большинству зрителей известны, они целиком увлечены происходящим. Что решит этот острый поединок? Какой аргумент в споре выдвинет каждый из его участников?

Артисты Центрального детского театра, режиссер А. Дунаев, писатель П. Бернацкий в этой сцене раскрыли перед нами интересный, сложный внутренний мир героев. И в душе каждого внимательного зрителя возникает какое-то очень свое, очень личное чувство искреннего восхищения молодым революционером, победителем «поединка» у экзаменационного стола.

...Еще одна сцена. Высокие, гулкие своды церкви, мрак, сгустившийся вокруг горящих свечей, склоненные фигуры молящихся. Только что провокатор Серебрякова передала через священника важные сведения в охранку. Диалог, происходивший у алтаря, услышал студент Кандеев (артист Г. Печников). И наивный, незлобивый юноша вдруг смело и дерзко бросается в бой с предательством и ханжеством. Схватка острая, стремительная. Нам понятна сложность необычайной ситуации, а правдивость исполнения заставляет неотрывно, с волнением следить за развитием событий.

В спектакле «Начало пути» перед нами проходят эпизоды жизни и деятельности молодого Ленина. И там, где театру удалось точно воссоздать «жизнь человеческого духа» на сцене, добиться правды и значительности сложно развивающихся конфликтов, мы становимся свидетелями того, как обогащается суровый и радостный опыт революционной борьбы Володи Ульянова.

К сожалению, в спектакле не все сцены удачны: иным не хватает динамики, нет ощущения, что события происходят впервые, «здесь, сегодня, сейчас», как то завещал сценическому искусству К. С. Станиславский. Эту часть спектакля можно сравнить с персонифицированной иллюстрацией к известным историческим фактам.

А. ЕРШОВА

ЧТО ЭТО ТАКОЕ—«ЧЕКВАЛАП»?

В КНИГЕ «В гостях у Ленина» писатель Евгений Мар вводит своих маленьких читателей в кремлевскую квартиру вождя, в его рабочий кабинет.

О Ленине-человеке, о его душевных качествах написано у нас в книгах для детей много. Евгений Мар вносит в эту обширную литературу свои страницы. Он пишет о работе В. И. Ленина, о Ленине — вожде пролетарской революции, главе Советского государства.

Писатель с помощью выразительных, доступных детскому пониманию исторических деталей создает картины трудных и героических лет.

Вот характерный пример. Из рассказа об освобождении Симбирска, родного города Ильича, дети узнают, что многие красноармейцы шли в бой босиком. Когда Ленину сообщили об этом, он распорядился принять срочные меры: обуть красноармейцев. И обратился для этого в Чеквалап.

Что это такое — Чеквалап? Ни в одном словаре теперь не сыщешь этого слова! И не многие взрослые знают и помнят, что в гражданскую войну существовала Чрезвычайная комиссия по снабжению валенками и лаптями Красной Армии. Вот что такое Чеквалап. Это теперь история.

Мировоззрение человека, как известно, складывается постепенно, с самого детства. Рассказывать детям о В. И. Ленине, рассказывать умело и интересно—это значит помогать воспитанию в них коммунистического мировоззрения.

И. БУРКОВА

Евгений Мар. «В гостях у Ленина». Рассказы. «Детская литература».

ПОРАЖЕНИЕ АРНОУ НАУРБА

ЗА последние годы в абхазской литературе, несомненно, усилилось влияние прозы. Характерно, что к прозе идут поэты, следуя замечательным традициям классика абхазской литературы Дмитрия Гулиа.

До сих пор мы знали Ивана Тарба по его стихам. И вот роман «Известное имя», роман о важных проблемах современной деревни...

Перед нами герой романа Арноу Наурба — волевой, энергичный руководитель большого чайного колхоза «Кераз». Он самовластен, самоуверен, не замечает, как постепенно, но отчетливо и неумолимо такой стиль руководства вступает в противоречие с общественной жизнью колхоза. Это, однако, видят земляки, односельчане, вся артель «Кераз», наконец, новый секретарь райкома партии Лейба. Болезнь Арноу — зазнайство, самовлюбленность — засела глубоко, и нужно сильное потрясение, чтобы он очнулся и мог посмотреть на себя со стороны. И такой момент в жизни Наурба наступает. Вот об этих вредных заблуждениях, о спасительном прозрении и ведет повествование Иван Тарба.

Заблуждения Арноу, в сущности, заблуждения неплохого человека, коммуниста, сына прославленного народного борца, отдавшего свою жизнь за победу Советской власти. Так что борьба идет за него, а не против него. Но заблуждения Арноу зашли все же очень далеко. Чего стоит тот факт, что «со дня своего избрания председателем правления Арноу ни разу не появился в сельсовете, хотя был избран его депутатом».

Арноу не считается ни с чем и ни с кем. Он лишь охотно внемлет голосам угодников, они ему милее. Таков и его друг председатель райисполкома Самсон Лолуа, который на справедливые замечания другого передового бригадира колхоза, Ясона, отвечает следующее:

«Ты, я вижу, дорогой товарищ, пришел учить меня уму-разуму? Но райисполком еще не решил, в каких случаях нам положено спрашивать совета у местных работников...»

Даже предостерегающий голос любимой женщины, Цицы, о том, что «одному не покорить крепости», — остается «гласом вопиющего в пустыне».

Так развертывается основной конфликт произведения—прямо с первых же фраз, без лишних подступов. Буквально с первых же страниц начинается завязка. Этим достигаются динамичность, напряженность рассказа. И это напряжение, заложенное в начале книги, не спадает до самого конца, до поражения Наурба, до того момента, когда общее собрание колхозников снимает его с поста председателя колхоза.

Образ Арноу вырисован полнокровно, ибо он обнаруживается в действии, в постоянном движении, в столкновениях с его «антагонистами».

В этих конфликтах живо и ярко раскрываются и другие характеры, например, Адицы (матери героя), Еаыгу, Абдалы, Астана, Ясона, Анды, Цабу, Антицы и других.

Роман пронизывает чувство юмора, в нем есть тонко подмеченные детали. С большой любовью описывает автор абхазскую природу. Тот, кто не бывал в Абхазии, прочитав роман Тарба, ясно представит себе этот благодатный край, край изобилия — один из замечательных уголков нашей страны.

Роман читается легко. И заслуга в том писателя М. Эделя, который перевел на русский язык произведение И. Тарба.

Н. МИКАВА

Иван Тарба. «Известное имя». Роман. «Советский писатель». М.

РАЗГОВОР О НОВОМ ЖУРНАЛЕ

На днях под председательством Анатолия Алексина состоялось собрание детских и юношеских писателей Москвы, которое обсудило первые номера журнала «Детская литература». Активное участие в творческом разговоре приняли руководители детских библиотек. Выступавшие отмечали, что новый журнал становится другом педагогов, библиотекарей, родителей — всех, кого волнуют острые и сложные проблемы воспитания. Главный редактор «Детской литературы» писатель Сергей Алексеев рассказал о дальнейших планах нового журнала.

ПОВЕСТЬ О СИЛЬНЫХ ДУХОМ

Л. КАРПИНСКИЙ

АВТОР этой повести, названной жестоким словом «Каторга», широко известен. В предисловии от редакции журнала читаем: «В Москве на Новодевичьем кладбище стоит памятник старому большевику, рядовому той славной гвардии, которая совершила революцию и строила партию вместе с Лениным. Надпись говорит о его революционных и литературных заслугах: «Подпольщик-революционер и революционер-писатель Иван Андреевич Козлов».

Революционер-писатель... Неслучайно соединены эти два слова. И дело не только в том, что Иван Андреевич Козлов запечатлел в литературе пережитые годы подполья, тюрем, ссылок, испытания концлагеря и побег из-под расстрела. Его литературная работа сама по себе была революционным подвигом. Впервые он взялся за перо, находясь на каторге во Владимирском централе (об этом времени и рассказывается в повести «Каторга»), куда он попал как активный участник событий 1905 года. Много позже, уже в советские годы, после того как вышла его первая повесть и несколько пьес, И. Козлов принимается за трилогию воспоминаний «Жизнь в борьбе». Перед Отечественной войной увидела свет только первая часть первой книги этой трилогии. Тяжелый недуг — отзвук царских темниц — поражает писателя, но, несмотря на подступающую слепоту, самоотверженный боец партии возглавил Крымский подпольный обком в тылу у немцев. Известная его книга «В Крымском подполье» вышла в 1958 году и была удостоена Государственной премии.

Ни тяжелый инсульт, последствия которого на недели лишали писателя то слуха, то речи, то способности двигаться, ни мрак наступившей полной слепоты не сломили его волю. Врачи отсчитывали время его жизни днями, а он держался еще годы, которые целиком отдавал работе. Выводя строчку за строчкой по транспаранту или диктуя, он успел почти до конца записать свои воспоминания.

С ДОКУМЕНТАЛЬНОЙ точностью воспроизводит И. Козлов картины истязаний, которым подвергались «политические» в царском застенке.

«В этом доме смерти делается все, чтобы насилиями, издевательствами над человеческим достоинством, повсеместным подавлением воли и унижением личности, кандалами и нагайками, постоянным запугиванием смертью превратить человека в раба, в ничто!» Так определяется один из противоборствующих полюсов — система неумолимых обстоятельств, созданных и поддерживаемых сворой тюремщиков, античеловеческая реальность каторги.

Другой полюс — человек, каторжанин. Дилемма жизни или смерти, бытия или небытия, возникающая перед каждым в этих условиях особенно обнаженно, ставится, по существу, значительно шире — и как вечная тема нравственного величия или ничтожества, и как социальный вопрос, заданный историей нашему народу, и как конкретная судьба отдельного человека. Смирение или протест? Раболепие или борьба?

Иной раз способность прижиться, притерпеться возводится чуть ли не в истинно народную черту, в некую народную мудрость самосохранения. И в повести И. Козлова есть носители духа долготерпения. Вот сценка «экипировки» каторжников новичков. Кузнец, «довольно добродушный дядя», подбирает и примеряет кандалы спокойно, словно продавец за прилавком: «маленько велики, а энти малы... А энти и совсем не годятся...» Принять оковы по ноге, чтобы носить было поудобнее, — такова не только его практическая задача в тюрьме, но и жизненная философия: «человек не скотина, ко всему привыкает. ...И в кандалах люди живут».

Подобная позиция не выдерживает проверки временем. Ей в повести противостоит линия активного сопротивления, борьбы, на которую под влиянием большевиков становятся политкаторжане. Эта борьба срывает расчеты тюремщиков заковать в цепи души людей. «Каторга» — повесть не о страданиях человеческих, а о силе человеческого духа. События во Владимирском централе не выглядят здесь изолированно, одиночным островком мужества. Нас не покидает ощущение неразрывной связи истории Владимирской каторги с общей историей формирования в стране железной армии революции.

Автор ярко рисует образ товарища Арсения (Михаила Васильевича Фрунзе). Большевизм в нем — не только как определенная политическая идеология и тактика, но и как особая человеческая позиция, — выражен наиболее полно.

Самоотверженность, постоянная готовность отвести удар от товарища, приняв его на себя, ненависть к прагматизму, моральная непреклонность — эти черты, постоянно и естественно проявлявшиеся в поступках Арсения, оставляли неизгладимое впечатление у всех, кто знал его. «Этот человек «с петлей на шее», — говорит о нем автор (Фрунзе был приговорен к смертной казни, но затем казнь была заменена каторгой), — казалось, совершенно не думает о себе, и страшная угроза смерти не волнует его...»

В камере смертников под звон цепей тех, кого уводили по утрам на виселицу, он изучает... английский и итальянский языки. Он отказывается просить правительство о помиловании, считая, что это было бы сдачей на милость классового врага, предательством. Когда конвоиры-солдаты, восхищенные мужеством Арсения, предлагают ему бежать, он опять-таки отказывается от побега, не желая подвергать конвоиров страшному наказанию.

«Вот каким был интеллигент Фрунзе...» — говорит автор в заключение главы об Арсении.

ОЦЕНКА роли социал-демократической интеллигенции — одно из главных достоинств повести. В те годы реакции, под влиянием факта предательства, отхода от революции части буржуазной интеллигенции, сгоряча примкнувшей к ней ранее, а более всего, под влиянием черносотенной пропаганды в народе распространилось недоверие, даже враждебное отношение к интеллигенции. Перекинулось оно и в тюремные камеры. Вот почему одним из важных итогов «политического университета» каторги было уяснение большинством простой истины: нельзя всех интеллигентов мерить на один аршин и считать их предателями, а всех рабочих — «ангелами революции».

Интеллигенты - заключенные, большевики были организаторами и преподавателями этого «университета». Они выполняли крайне важную задачу социалистического просвещения людей. «Учеба во всех ее формах и проявлениях,— вспоминает автор, — скрашивала тюремное существование, одухотворяла нашу жизнь и давала нравственные силы выстоять, выжить».

Рядом с Фрунзе автор ставит другого замечательного большевика — Викентия Семеновича Мицкевича (Капсукаса). Своим обликом, всем, что делали эти люди, они полностью опрокидывали ходячие мнения об интеллигенции, защищали ее честь от напора невежества и озлобленности. Они поднимали в людях светлые чувства, достоинство, веру в будущее и «как бы смывали всякий тлен и все, чем могла засориться душа человека от долголетнего пребывания на каторге». Не надо этого забывать, говорит автор. Из истории, как и из песни, «слова не выкинешь».

Рисуя образы тюремщиков, И. Козлов показывает, какими ничтожествами они являлись. Те из них, у кого сохранились остатки человеческого, начинали помогать «политическим». Таков, например, надзиратель Жуков, ставший связным у заключенных. Другие, в силу тупости и ограниченности, постоянно проигрывали в столкновениях с политкаторжанами. Но все они являли картину полной обреченности режима.

Даже там, на каторге, соотношение сил наглядно показывало, за кем будущее, кому суждено победить.

Иван Козлов. «Каторга». Повесть. Журнал «Молодая гвардия», № 12, 1965.

● НОВЫЕ СТРАНИЦЫ ЛЕНИНИАНЫ
● ПОВЕСТЬ И. КОЗЛОВА «КАТОРГА»
● СТИХИ ТАДЖИКСКИХ ПОЭТОВ
● РОМАН И. ТАРБЫ «ИЗВЕСТНОЕ ИМЯ»

СЕГОДНЯ ОТКРЫВАЕТСЯ V СЪЕЗД ПИСАТЕЛЕЙ ТАДЖИКИСТАНА

Мирсаид МИРШАКАР

Люблю тебя, река моя...

Люблю тебя, река моя,
ты так мне дорога,
Могучая, кипучая
на всем своем пути!
Не будь тебя, исчезла бы
тюльпанные луга, —
Река высокогорная,
летя вперед, лети!
Гидроэлектростанции,
пустыни ждут воды.
Своей водой питаешь ты их силу,
ты — их кровь.
Ты летом изобилие несешь в поля,
в сады, —
Река высокогорная,
тебе моя любовь!
Бурлишь, гремишь, грохочешь ты,
свергаясь с высоты,
Тобой, неукротимая,
всегда любуюсь я.
С сердцами пылких
юношей-поэтов схожа ты,
Шумливая, строптивая река,
река моя!
Тебе и на мгновение прервать
свой бег нельзя —
Ты в тот же миг умрешь сама
и все кругом умрет.
Беги, сверкай, не иссякай,
по крутизнам скользя,
Пескам и тьме ночной грозя,
стремись вперед, вперед!
Лети вперед, шуми, греми,
препятствия громи,
И день за днем в трубу борьбы
неистово труби,
Свой революционный тон
на благо нам стреми,
А я, как революцию,
люблю, люблю тебя!

Перевел с таджикского
Лев ПЕНЬКОВСКИЙ

Убайд РАДЖАБ

Тропинка

Жилка, бьющаяся на виске
у села,
Ты, тропинка юности ранней
моей,—
Радость утра, вечерняя мгла
И таинственность летних ночей...
Если б ты в тетради своей
Мой забытый образ нашла?
Разветвилась, как вены,
тропинка села
Вдоль дувалов, припав
к порогам домов.
Ты, тропинка, в мир меня увела...
И за то, что наставницей
доброй была,
Я от сердца дарю тебе
несколько слов.
Ты однажды меня повела
до зари
На дорогу, терявшуюся вдалеке.
Благоуханья райхана волна
Наплывала.
Тюльпаны, как фонари,
мне светили.
И гасла луна
На широкой небесной реке.
Всюду белый шиповник
свой цвет раскрывал,
Соловьями взывали сады.
Тихо желтый шиповник
под ветром шептал.
И с надеждою в сердце легко
я шагал
Под лучом рассветной звезды.
Запах мускуса доносил ветерок.
С каждым мигом прозрачней,
светлей
Становился восток.
И там, где поток
Звонкой галькою грохотал,
Я — прощаясь — поцеловал
Край подола одежды твоей.
А вдали гремел водопад,
Посылая напутствие мне.
Куропатка горная в вышине
Возбужденно кричала.
И клевер густой
Будто плакал,
вслед устремляя взгляд.
Весь в росе, как во влажном огне.
По ущельям глухим,
сквозь безлюдье и шуть,
Чтобы мир я сумел познать,
Ты меня проводила в путь
И благословила, как мать.
О тропинка далеких дней,
В руку Жизни ты руку
вложила мне!
(Так вот в школу уводят детей...)
В начинании каждом,
в поступке любом
У тебя находил я совет.
И теперь — после стольких лет —
Я вернулся в свой отчий дом,
На родной тропинке стою.
Я пылинкою малой был
На подоле древнем твоем.
Воротился, исполненный
новых сил,
Оперился, окреп крылом.
О кошница надежды,
вернисти суть,
Вновь по склону крутому
к тебе и аду.
И хоть радостью встречи
полна моя грудь,
В сердце тайная кроется боль.
Ну доколь тебе спать,
припав на порог
Вдалеке от великих дорог?
Наше время настало!
Позволь —
В мир большой я тебя поведу!

Перевел с таджикского
Владимир ДЕРЖАВИН

ГУЛЬЧЕХРА

Гафиз

Он пел, а может быть, стонал,
Он пел, а может, слезы сеял.
Он проносил сквозь гулкий зал
Дыхание поры весенней.
Все видел он, все ведал он:
Седую страсть и трепет ранний,
И кто любовью уязвлен,
И кто любовью насмерть ранен.
Так пел он, как любовь поет.
Ах, если б музыка простая
Нашла тебя...
Вдруг этот лед
Не выдержал бы и растаял.

Перевела с таджикского
Тамара ЖИРМУНСКАЯ

Внимание! Идет съемка!

ВЕРНОСТЬ

ЗА ОКНОМ — красные черепичные крыши старого Стокгольма. В комнате Владимир Ильич, его мать — Мария Александровна, сестра Маняша... На стене пирог и семьдесят пять свечей. День рождения Марии Александровны.

...Режиссер Марк Донской снимает фильм «Верность» — так будет называться вторая серия дилогии о Марии Александровне Ульяновой. Первая часть — фильм «Сердце матери» — уже вышла на экраны.

Актер, которому поручено исполнять роль Владимира Ильича, — выпускник ВГИКа Родион Нахапетов, — репетирует увлеченно, с большим напряжением.

— Понятны трудности, с которыми я, еще совсем молодой актер, столкнулся, работая над образом Владимира Ильича, — рассказывает нам в перерыва между съемками Р. Нахапетов. — В этом фильме есть и еще одна особенность: он двухсерийный, охватывает значительный период времени. Я играю и юношу Ульянова, и Ленина сорока лет. Обе серии снимались параллельно.

...Звучит команда режиссера, и Нахапетов снова занимает свое рабочее место.

Съемки кончаются. Мы подходим к Марку Донскому.

— Наша главная задача в этом фильме состояла в том, чтобы раскрыть влияние семьи на формирование Владимира Ильича. Главный герой фильма — Мария Александровна. И мы пытались показать, как мать становится единомышленницей своих детей. Отношения с матерью раскрывают одну из прекраснейших сторон личности Владимира Ильича. Великий человек был великим сыном.

Зрители уже познакомились с первой серией — «Сердцем матери», и нам приятно, что они особенно тепло приняли Елену Фадееву в роли Марии Александровны. В июле надеемся полностью закончить фильм, — обещает режиссер М. Донской.

Ал. РЫВАКОВ

На снимке нашего корреспондента Б. Виленкина запечатлена съемка одной из сцен фильма.

ми рытвинами морщин, горели огромные испуганные глаза. Руки с набухшими венами были беспокойны — то разглаживали на коленях мешки потертых штанов, то сплетали пальцы. «Как вы думаете, в плечо—ведь это не опасно? Температура, сообщают, высокая...»

Трагедия на площади дель Джезу в общем была известна Владимиру Ильичу из социалистической печати. Строительные рабочие Италии давно справедливо возмущались отсутствием охраны их опасного, изобилующего несчастными случаями труда. И когда в Риме, упав с неогражденных лесов, разбился каменщик Премуччи, на его похороны собралось более двух тысяч рабочих. Гроб понесли через центральные улицы во главе демонстрации протеста. Полиция воспрепятствовала. На площади дель Джезу похоронную процессию встретили карабинеры. В них полетели камни. Карабинеры открыли стрельбу. Наутро не вышел ни один трамвай, остановились фабрики и заводы, закрылись булочные и мясные. Рабочий Рим ответил всеобщей забастовкой.

Отец пострадавшего рассказывал подробности. Их знали здесь все. И как наутро полицейские не могли сдержать людские лавины. Как женщины устилали площадь дель Джезу цветами, а где пролилась кровь — ставили зажженные свечи. Рабочие клали красные полотнища. На траурных лентах были надписи: «Отомстите за нас!» — словно то взывали сами убитые. Воздух гудел от гневных голосов.

Владимир Ильич как бы увидел все собственными глазами, услышал гул народного возмущения. Его ум мгновенно анализировал события, в сердце отзывалось на горе и боль.

К рассказу отца давно присоединились другие пассажиры. Плотная женщина с густыми сросшимися бровями шумно вздыхала, вытирала слезы с тугих щек. Все, все так и было, она может подтвердить где угодно. Ее магазинчик в переулке, совсем рядом с площадью дель Джезу. Мимо носили в аптеку раненых. Уже когда кончилась стрельба, конечно. Одну девушку она никак не забудет. Бедняжка была залита кровью, а растрепанные косы волочились по тротуару...

Сидевший рядом с женщиной священник в угольно-черной плоской шляпе, которую он ни разу не снял, перебирал пухлыми пальцами четки и время от времени бормотал: «Святой Рокко, молись за нас... Святая Магдалина, молись за нас... Святая Мария...» То ли сочувствовал, то ли осуждал...

Франтоватый юноша — голова его казалась лакированной, так обильно уснащал прическу бриллиантин и так ловко был подогнан волосок к волоску, — к удивлению Владимира Ильича, оказался анархистом. Перебивая то старика, то женщину, он шумно расписывал подвиги своих единомышленников на бурных митингах следующего дня. Без них, оказывается, бушевавшие толпы бог знает что натворили бы: «Вы подумайте, на Корсо принялись петь рабочий гимн! Хорошо, что там оказался наш анархист Самуро. Он бросился к толпе, махая черными перчатками, и закричал: «Опомнитесь! Ведь мы в трауре!».

Чего угодно мог ожидать Владимир Ильич от лихих анархистов, но такого благоразвия никак. Вот порадовали полицейских! Непременно надо рассказать Луначарскому. Превосходный факт для его статьи.

Статья о расстреле народа в Риме была поручена Луначарскому в первые же дни, но он что-то мешкал, на напоминания отмалчивался. Ох, уж эти его с Богдановым философские мудрствования. Отрывают от нужного дела. Но без статьи Владимир Ильич с Капри не уедет, и в следующем номере «Пролетария» она обязательно будет...

В цветении апрельского дня за окном проносились то горы, то заболоченная земля. Дорога, прижатая чуть не к рельсам рекой — теперь уже Тибром. Деревни. Стада черно-белых коров. Города, взобравшиеся на вершины, — один повис над облаками, другому они опустились на крыши. Грохочущий мост. И надпись «Prima Porta» под крышей станции — первые ворота Рима.

...До ночного экспресса в Неаполь оставалось пять с лишним часов. Владимир Ильич не захотел обедать в ресторане вокзала. Сдав в камеру хранения свой легкий портплед, вышел на залитую багровым закатным светом широкую улицу. Вызолоченный Христос простирал над ней руку с купола ближней церкви. Черной стайкой куда-то спешили молодые монахи. Раздувались на быстром ходу полы ряс. Мчались щегольские экипажи и громоздкие автомобили. Позванивая, катился по рельсам переполненный трамвай.

Владимир Ильич пересек дорогу и увидел прямо перед собой боковую улочку с массой людей. На узких тротуарах в две каменные плиты, за столиками дешевых таверн, шумно переговариваясь, ели, попивали вино из оплетенных соломой фьясок римляне — не из тех, что катались в колясках. Эта улица — виа Милаццо, прочел Ленин старинную надпись медью на каменной стене — днем, видно, превращалась в палаточный рынок. Сейчас торговцы свертывали свои навесы, цветные зонты, укладывали на тачки корзинки и лари. А перед тем как уехать, присаживались закусить. Мастеровые, ремесленники, возчики, прачки, уличные торговцы, вымазанные известкой каменщики, дорожные рабочие — это была их улица. Что могло быть привлекательнее для Ленина! Конечно, он непременно хотел успеть увидеть и Капитолийский холм, и Форум, и площадь дель Пополо, взглянуть на Рим с холма Пиньо, но прежде всего надо побыть здесь. Да и есть чертовски захотелось.

Он шел вдоль виа Милаццо по истертым за века камням, где тысячи ног проложили ложбинки, читал вывески, обещавшие национальную снедь: «Pizzeria», «Maccheroni». В одном окне крутились нанизанные на прутик вертела куры, золотисто румянилась их поджаренная кожица. За стеклом другого выставили железные противни с запеченной в тесте мелкой рыбешкой. Тут прямо на улице дымился котел с красным от томатов варевом, там — на углах жаровня с каштанами.

А вот и свободное место за столиком у стены. Двое — старик в толстой, грубой шерсти фуфайке и мальчик лет девяти, должно быть, внук. Нагнувшись над тарелками, они ели, проворно накручивая на вилки длинные тонкие спагетти. Вскинув мохнатые брови, старик ответил на приветствие Владимира Ильича, в то же время поглядел удивленно и пытливо. И каким-то чутьем понял — этот человек свой. Потому ли, как с завидным аппетитом принялся есть те же макароны, по тому ли, как приветливы были его глаза и неподдельно весел смех.

Не прошло и четверти часа — беседа стала общей. Отпивая медленными глотками светлое Кьянти Кастеллино, Владимир Ильич слушал неторопливые слова старика. Нет, мальчик не внук. Его отец арестован на площади дель Джезу. Пьетро жил вдвоем с отцом. Теперь о нем заботятся по очереди соседи. О, его все очень любят и жалеют. Еще бы, отец пострадал за общее дело. «Ешь, Пьетро, ешь досыта!» — твердил он, наклоняясь к мальчику.

— Святое сердце Мадонны! — с тоской произнес женский голос. — Что же это делается? Держат в тюрьме не воров, не преступников. Арестовали честных людей...

Длинный черный шарф прикрывал голову женщины. Ее звонкий голос прорезал шум. А глаза — недоумевающие, широко раскрытые— обводили окружающих, словно искали ответа. И кто-то спокойно, уверенно и так же громко ответил:

— Значит, боятся нас!

Владимир Ильич даже вздрогнул. Какой верный ответ. Ну и молодец! И там, в России, все лютые преследования не от силы — от страха. «Значит, боятся нас!» Невозможно лучше ответить. Пожать бы руку этому человеку. Удивительное это чувство — в чужой, незнакомой стране словно близкого товарища встретил. Он посмотрел вокруг. За ближним столиком ломовой возчик, сунув за спину кнут, толковал с приятелем о починке сбруи. Хрипловатый голос совсем не схож. Дальше азартно спорили, как надежнее угадать выигрышный номер лотереи...

В быстрой речи Владимир Ильич не все слова разбирал, но смысл улавливал легко и верно. И был доволен — не зря позанимался итальянским.

Уходить с виа Милаццо не хотелось. Было в ней что-то домашнее, обжитое, свойское. Сидели, отдыхая, рабочие люди. Выбрались на улицу со своими стульями старики. Сновали ребятишки. Возле раскрытой двери устроился гитарист с цветком за ухом. Три или четыре пары закружились в танце. За столиками отбивали пальцами такт. Он все убыстрялся, становился неистовым. Остались плясать лишь двое. Нет, уже не двое. Одна. Все взоры следили за маленькой девушкой в огненно-красном платье. Словно подхваченная бурей, она вилась, как пламя. Не сводил глаз и Владимир Ильич. Так с образом Италии и сольются потом в его памяти возглас неведомого друга и этот веселый огненный вихрь...

Медленным шагом обошел площадь Эзедры с ее волшебным фонтаном. Подивился работе древних строителей, воздвигших циклопические стены Терм Диоклетиана, и, памятуя, что времени остается немного, выбрал извозчика с коляской попроще. По фешенебельной виа Национале доехал до развалин Форума, и здесь, отпустив извозчика, остался постоять в раздумье, во власти красоты и тихой печали ушедших веков. Источены временем гордые триумфальные арки. Дикой травой и кустарником поросли обломки былых дворцов и храмов. Но стройны и величавы уцелевшие колонны, и все жива в них нетленная красота античного искусства... По широкой лестнице поднялся на Капитолийский холм...

Близ полуночи экспресс тронулся со Стационе Централе. Владимир Ильич прислонил голову к подушке кресла. И за весь этот длинный, переполненный впечатлениями первого знакомства день он так ни разу и не вспомнил, что был то день его рождения. Минула среда 22 апреля 1908 года.

ОТ ИМЕНИ ЛЕНИНГРАДЦЕВ

Гул битвы жестокой
Доносится к нам.
Открытою раной
Горит Вьетнам!

Открытою раной горит Вьетнам на груди планеты. По злобной воле американских империалистов страшное беззаконие творится на земле.

Я — ленинградец. Всю Великую Отечественную войну, всю беспримерную в истории мира блокаду Ленинграда я провел вместе с ленинградцами, с сотнями тысяч жителей Ленинграда. Мы вместе со всеми голодали и холодали, фашисты бомбили и стреляли из осадных орудий день и ночь, день и ночь, все 900 дней осады. Мы вместе со всеми ели лебеду,— словом, хлебнули горя по горло! Воины Ленинградского фронта ответили врагам смертью за смерть, кровью за кровь...

Так же, придет время, будет и во Вьетнаме. Будет, несмотря на злобу агрессора, несмотря на его силу — придет час возмездия, он неотвратим!

На XXIII съезде Коммунистической партии Советского Союза о героической борьбе Вьетнама говорили многие делегаты и гости съезда — наши друзья и братья. Империалистический разбой во Вьетнаме должен быть прекращен! — таково требование свободолюбивых народов мира.

Эскалация грязной войны против Вьетнама растет. Пепел сожженной, обездоленной братской земли стучится в наши сердца.

Александр ПРОКОФЬЕВ

Американские бомбы падают на города и села Вьетнама.
Снимок из американского журнала «Тайм»

ПРЕМИЯ ЗА ПЕРЕВОДЫ ИЗ ДАНТЕ

ЗАВЕРШИЛСЯ юбилейный «Дантовский год». На родине поэта, в Италии, большое внимание общественности привлекла растущая год от года любовь к творчеству великого флорентийца в Советском Союзе. Произведения Данте Алигьери — «Божественная комедия», «Vita Nuova», стихотворения — пользуются в нашей стране широкой известностью, они много раз издавались в переводах на русском, украинском, грузинском, армянском, эстонском, узбекском, белорусском, латышском и других языках. Новые переводы появились и в юбилейный, 1965 год.

В Союз писателей СССР поступила телеграмма министра просвещения Итальянской республики Луиджи Гуи. Он сообщает, что премии Национального Дантовского комитета за перевод стихотворений Данте удостоен молодой советский поэт-переводчик Евгений Солонович, талантливые переводы которого из Данте впервые были опубликованы в прошлом году.

Присуждение высокой премии советскому переводчику — оценка неизменного интереса к творчеству Данте в Советском Союзе и, в то же время, еще одно свидетельство успехов советской школы художественного перевода.

РАСИСТ БЕЗ МАСКИ

«НАЧИНАЯ с 1945 года мир белых людей, за малыми исключениями охваченный духовным регрессом, докатился примерно до уровня Французской революции»,— пишет доктор медицинских наук Феликс фон Борман в западногерманском журнале «Национ Эйропа» (специальное приложение «Биополитика»). Действительно, какое падение! Перестали пылать печи Освенцима и Майданека, прекратилось изготовление абажуров из человеческой кожи и подушек из волос убитых людей! Провозглашенный Французской революцией лозунг «свободы, равенства и братства» вошел в кодекс жизни строителей коммунизма.

Фон Борман недоволен нивелирующими тенденциями (читай — тенденциями к утверждению равенства) в «деятельности ООН и ее организации — ЮНЕСКО». Речь идет о биологических разделах Декларации о расовой проблеме. Текст этих разделов был единодушно принят в августе 1964 года в Москве организованным ЮНЕСКО совещанием 22 экспертов, специалистов по антропологии и биологии человека из 17 стран Европы, Азии, Африки, Северной и Южной Америки. Фон Борман надеется облегчить свою задачу фальсификации науки утверждением, что текст этого документа составлен в запутанной и непонятной форме. Не будем вдаваться в рассуждения о литературных достоинствах французского подлинника и говорить о качестве немецкого перевода, в котором есть грубые ошибки. Важно, что все основные положения фон Борман понял правильно.

В заключении экспертов говорится, что с биологической точки зрения различия, на которых основываются расовые классификации, «ни в коем случае не позволяют говорить об общем превосходстве или неполноценности той или иной расы». Фон Борман утверждает, что представители негроидной расы, а также остатки нескольких вымерших (скажем точнее, почти истребленных колонизаторами) групп по своему духовному развитию «находятся и поныне на уровне каменного, а в лучшем случае железного или бронзового века, несмотря на навязанную им извне техническую цивилизацию».

В заключении экспертов говорится, что не существует «никакого биологического оправдания для запрещения межрасовых браков, ни для советов, направленных против заключения таковых». Фон Борман утверждает, что «смешение эволюционирующей части человечества с той его частью, развитие которой остановилось, явилось бы угрозой для дальнейшего развития человеческого рода». Впрочем, опасны не только браки с теми, кого фон Борман называет «умственно отсталыми негроидами». Северных европейцев и японцев фон Борман относит к числу эволюционирующих, то есть высших рас. Тем не менее он предостерегает и против браков северных европейцев с японками (и наоборот) даже в тех случаях, когда речь идет о представителях избранной части (элиты) обеих рас.

В заключении экспертов говорится «В отношении наследственных возможностей общего умственного развития и способностей к культурным достижениям, так же как и в отношении физических признаков, нельзя оправдать концепцию «высших» и «низших» рас». Фон Борман утверждает: «Негроид из США будет всегда жить в трущобах, даже и тогда, если при содействии соответствующих групп белых ему удастся переселиться в фешенебельный городской район. Он превратит его в «городские джунгли». Фон Борман превозносит «образцовое решение» расовой проблемы в Южно-Африканской Республике. По утверждению фон Бормана, именно в ЮАР — этом расистском заповеднике — создано «гармоническое сосуществование рас». Известно, что негров там загнали в специально отведенные районы, установили для них «систему пропусков», лишили права голоса и используют на самых тяжелых работах. В этом, уверяет фон Борман, нет никакой дискриминации, как нет ее и в утверждении, что негры так же мало способны к духовному развитию, как рабочая лошадь бельгийской породы — к «участию в скачках».

Все ясно. Перед нами враг идеалов свободы, равенства и братства. Нацист и расист. Вступать с ним в научную дискуссию так же бессмысленно, как бессмысленно возбуждать гражданский иск против вора, грабителя, убийцы. Фон Борманом должны были бы заняться судебные органы.

Фон Борман хочет, чтобы ЮНЕСКО вступила с ним в дискуссию, не замалчивала его трудов и не ограничивалась причислением фон Борманов к числу реакционеров и неонацистов. Разве он нацист? Он даже позволяет себе критиковать правителей «третьей империи» за допущенные ошибки. Источником большинства их политических ошибок, по мнению фон Бормана, было представление, «будто немецкий народ является биологически единым и притом особенно ценным биологическим сообществом». Полно, герр Борман! Не стоит преувеличивать разногласия между вами и Альфредом Розенбергом! Хотя нацисты и объявили немцев «расой господ», они, конечно же, рассматривали немецкий народ не как единое сообщество. Разве мало немцев, не устраивавших правителей третьего рейха, было загнано в концентрационные лагеря? Или, быть может, фон Борман полагает, что убийства десятков тысяч немцев, противников нацизма, были недостаточны для сохранения чистоты расы, что слишком многих немцев неосмотрительно причислили к ценному биологическому сообществу?

Нет, какой же фон Борман нацист! Он ведь не призывает убивать негров. Он хочет лишь, чтобы они не участвовали «в скачках». Чтобы знали свое место. А то, если всех перебить, то кто же будет работать? Фон Борман предусмотрительно не пишет о том, что надо делать с теми неграми, которые все же захотят участвовать «в скачках». И зачем об этом писать? Устроители «гармонического сосуществования» рас в Южно-Африканской Республике, американские куклуксклановцы и каратели Салазара сами знают свое дело. Таких негров, конечно, убивают, как же еще с ними поступать? Ведь негров, по фон Борману, даже неправильно причислили к виду Homo sapiens. Их надо выделить в особый вид — Homo africanus. И родственники у них в отряде приматов, как утверждает фон Борман, другие: у высших рас — шимпанзе, а у негров — горилла. Правда, они почему-то все-таки смешиваются и дают потомство, способное к продолжению рода, что, как известно, является одним из основных признаков видового единства.

По фон Борману, дело в средних величинах. В среднем, утверждает он, негры «менее интеллигентны», и поэтому всех негров нельзя было допускать к управлению даже своими собственными странами. А не следовало ли запретить всем белым учиться в музыкальных школах на том основании, что, по данным некоторых исследований, негры в среднем отличаются большими музыкальными способностями?

Возможно, что наши коллеги — антропологи из ФРГ не согласятся с нами в том, что фон борманами должны заниматься судебные органы. Возможно, что они потребуют для них свободы клеветы и дезинформации. Но неужели они по крайней мере не заявят публично, что фон Борман не имел права выступать от имени антропологии вообще и от имени западногерманской антропологии в частности?

Георгий ДЕБЕЦ,
профессор

ДАКАРСКАЯ СИМФОНИЯ

Евг. ДОЛМАТОВСКИЙ

ДАКАР, ослепительно белый, словно не из камня, а из рафинада сложенный город, столица Республики Сенегал, с начала апреля пестрит флагами африканских государств. Здесь грохочет тамтамами и оглушает благоговейной тишиной музеев и выставок Первый Всемирный фестиваль негритянского искусства, в котором принимают участие более тридцати стран Африки, а также Бразилия, США, Гаити и другие страны.

Мне и раньше приходилось бывать в Африке, знакомиться с искусством ее народов. Я уже знал: напьешься из этого родника, и его бурлящая свежесть всегда будет рождать новую жажду. А фестиваль в Сенегале — это не родник, скорее, водопад или извержение. Поспеть на все его представления и собрания невозможно, но то, что удалось увидеть, примечательно во многих отношениях.

Африка немыслима без танца, да еще и слитого со словом, музыкой, символами. Это важнейшая часть ее духовной жизни, ее повседневья, ее быта. На континенте, насильно разорванном, там, где связи между народами и племенами были ослаблены и утрачены, искусство оставалось формой утверждения и сохранения национального достоинства, формой сопротивления колонизаторам. Пришельцы, правда, по-своему пытались «открыть» искусство Африки. Основой всех характеристик долгое время было, да и поныне является слово «примитив».

Но вот светло-голубые стеклянные залы музея «Динамик», специально выстроенные к фестивалю. Здесь — история африканского искусства. Привезенные из музеев Лондона, Лагоса, Парижа, Абиджана, из частных коллекций, а также хранившиеся здесь, в Дакаре, редчайшие экспонаты, наверное, никогда не были собраны вот так, вместе. Они удивляли, представленные в двух-трех образцах. Собранные воедино, они потрясают. Такой экспозиции еще не было никогда и нигде.

«Примитив»? Да полноте, просто стыдно назвать это примитивом. Тончайшие психологические характеристики, страсть, ирония, мудрость в этих масках и фигурках из эбенового дерева, меди, камня. Восхитительное чувство ритма в орнаментах. Века? Нет, тысячелетия.

На окраине Дакара — «деревня искусств», несколько модернизированная африканская деревня с нахлобученными соломенными крышами. Каждая хижина — иная страна: Дагомея, ОАР, Габон, Марокко, Берег Слоновой Кости...

Произведения африканских народных художников и ремесленников широко известны в Европе и Америке. Крашеные поделки для туристов и подлинные шедевры из черного дерева, слоновой кости, глины, металла творятся одними и теми же руками. Я убежден: ремесленник и вдохновенный мастер живут под одной соломенной крышей.

В «деревне искусств» от посетителей не скрывают тайн производства: вращаются гончарные круги, склоняются над серебряными нитями чеканщики. Но всего интересней работа скульпторов по дереву. Они сидят полуголые среди эбеновых чурок, поставив сбоку транзисторные радиоприемники, и укрепленной на рукоятке, похожей на клюв стамеской наносят точные удары и штрихи, создавая людей, богов и животных. Как и в музее «Динамик», поражает и своеобразие, и общность искусства стран Африки.

Удивление — главная черта фестиваля. Чему удивляется Африка? Попробую объяснить. Впрочем, мне самому объяснял это Бернар Дадье, добродушный гигант, поэт, глава делегации Берега Слоновой Кости.

Мы беседовали на приеме, устроенном делегацией Советской ассоциации дружбы с народами Африки. В салоне дизель-электрохода «Россия», арендованного фестивальным комитетом под гостиницу,— артисты, художники, поэты. Родом они из разных стран континента, с островов, и вот впервые знакомятся друг с другом. «Понимаешь, Африка была разорвана на куски. А мы оторваны друг от друга. На фестивале мы встретились, и в таких масштабах — это первая встреча».

Упоминая, что встреча мастеров происходила на «России», я не имею в виду никаких аллегорий: дизель-электроход сейчас отдан фестивалю. Но все же, не скрою, было нам очень приятно чувствовать, что эта встреча в Дакаре связана с нашим домом, островком моей Родины. Кстати несколько слов об участии советских людей во Всемирном фестивале негритянского искусства. Как будто выступать нам не с чем: разве что с русскими стихами воспитанника Литинститута Джемса Паттерсона да абхазскими песнями из негритянской деревни, что под Сухуми? Но в коллоквиуме ученых участвовали наши африканисты. Они привезли в Дакар книгу, старую, растрепанную,— хорошо сохранившегося экземпляра не нашлось: Владимир Марков. «Искусство негров». Издано народным комиссариатом по просвещению, Пб., 1919 год.

Значит, в голодный военный год искали по Петрограду меловую бумагу для репродукций, выпустили один из первых в мире научных трудов, посвященных африканской деревянной скульптуре. И не о примитиве — о высоком искусстве шла в ней речь. Африканские историки и искусствоведы передавали эту замечательную книгу из рук в руки.

И еще об одном событии фестиваля, я уверен, с удовольствием узнают советские читатели. «Золотая антилопа», приз киноконкурса, проводившегося в рамках фестиваля, присуждена Советскому Союзу. Так и сказано в решении жюри: премии за лучший фильм о негритянском искусстве удостоена советская лента «Люди танца». Ее создали на учебной студии ВГИКа молодые парни — для некоторых из них это была дипломная работа. Режиссер — гвинеец Коста Дианье, обучающийся у нас, другие члены коллектива — советские студенты.

Итоги киноконкурса вообще очень показательны. Получил премию французский антиколониальный фильм «Статуи тоже умирают» — Алена Рене и Криса Маркера.

Премированы кинематографисты Камеруна, Италии, Чада, США, Нигера... Приятно перечислять в одном ряду страны мощной кинематографии и страны, никогда ранее не фигурировавшие на афишах.

Героем фестиваля стал наш старый друг Сембен Усман (думаю, наши читатели помнят его романы «Сын Сенегала» и «Тростники господа бога») — он получил «Серебряную антилопу» за полнометражный фильм, еще один приз за документальную кинокартину, а также стал лауреатом литературного конкурса. Киноконкурс с особой остротой выявил антиколониальную направленность фестиваля.

Должен рассказать и о выставке живописи. Это тоже первая встреча, первое совместное выступление художников из разных стран Африки. Под выставку отданы залы Дворца юстиции Сенегала. Стенды, обтянутые мешковиной, тесно сходятся, и перед нашими глазами возникает страна за страной. Общее для всех живописцев — пронзительность красок, острота сюжетов. Но разнообразие великолепное, самобытность и яркость талантов и подавляет, и окрыляет одновременно.

Как хорошо, что это, наконец, происходит, как странно и обидно, что долгие годы было не так. Африка, искромсанная пиратскими захватами, познает себя, африканцы из разных уголков континента постигают свою общность и особенности через искусство. В этом — смысл фестиваля. В этом его успех.

ДАКАР, апрель.

В гостях у советских писателей

С 11 по 18 апреля в Москве находился генеральный секретарь Европейского сообщества писателей (КОМЕС) Джанкарло Вигореллн.

По поручению руководства Европейского сообщества писателей Дж. Вигорелли имел встречи с вице-президентом КОМЕСа А. Т. Твардовским, членом руководящего совета И. В. Абашидзе и руководителем советской группы КОМЕСа А. А. Сурковым, во время которых подробно проинформировал о недавнем заседании президентского совета КОМЕСа. Джанкарло Вигореллы был ознакомлен с точкой зрения советской группы КОМЕСа по интересующим президиум КОМЕСа вопросам. В беседах был затронут широкий круг проблем, связанных с дальнейшим продолжением контактов между советскими литераторами и Европейским сообществом писателей.

Джанкарло Вигорелли был принят в Союзе писателей СССР секретарями правления Г. М. Марковым, А. А. Сурковым, К. В. Воронковым и А. В. Чаковским. Он беседовал также с членами правления К. М. Симоновым и В. С. Рюриковым и заместителем главного редактора журнала «Знамя» В. Л. Сучковым.

С 15 по 18 апреля в Москва по приглашению Союза писателей СССР находился генеральный секретарь Международного Пен-клуба Дэвид Карвер.

Д. Карвер был принят в секретариате правления Союза писателей СССР. Он имел беседы с секретарями правления Г. М. Марковым, А. А. Сурковым, К. В. Воронковым, А. В. Чаковским, членами правления К. М. Симоновым, В. С. Рюриковым, И. Х. Сельвером. В беседах был затронут широкий круг литературных проблем, представляющих взаимный интерес.

Д. Карвер передал приглашение советским писателям принять участие в качестве наблюдателей на конгрессе Международного Пен-клуба, который должен состояться в Нью-Йорке в июне.

ЭТИ ПЕСНИ ЗАПЕВАЕТ МОЛОДЕЖЬ...

Недавно французский писатель Клод Руа побывал в Испании. В одном из своих очерков он рассказал о молодом певце Раймоне, песни которого впитали в себя боевой дух демократически настроенной испанской молодежи. С песнями Раймона перекликается творчество американского певца и композитора Пита Сигера. В самой Франции прогрессивная общественность высоко ценит дарование молодого шансонье Жана Ферра. Мы печатаем ниже короткие репортажи, рассказывающие об этих молодых певцах, в чьих песнях выражены лучшие надежды и устремления молодежи, борющейся за демократию, мир и дружбу между народами.

Клод РУА

РАМОН СТАНОВИТСЯ РАЙМОНОМ

В затруднительном положении оказался три года назад один молодой магистр исторических наук, только что назначенный ассистентом кафедры истории экономики Барселонского университета. Он не мог понять, что привлекало студентов в аудиторию, где он читал курс лекций об экономической структуре Испании XVII века: интерес к лекциям историка Рамона Пелагеро или желание поглядеть на популярного певца Раймона? Вскоре, однако, он решил эту дилемму: Рамон Пелагеро остался только Раймоном.

Раймон, четвертый и последний ребенок в семье столяра, анархо-синдикалиста, уроженца маленького городка Ксатива близ Валенсии, родился 2 декабря 1940 года. В этот день столяр, как нарочно, находился в тюрьме, куда его время от времени водворяли местные власти.

Однажды еще студентом Раймон ехал из Валенсии в Барселону в коляске мотоцикла, мчавшегося с бешеной скоростью по дорога. Стараясь заглушить тревогу и забыть о резком и холодном ветре, Раймон начал мысленно сочинять песню — «К ветру». Не прошло и двух месяцев, как эта песня стала боевым маршем каталонской молодежи.

Теперь, когда Раймон — очень маленький и стройный — выходит в своей неизменной блузе на сцену барселонского дворца спорта, его оглушительно приветствуют 5 000 юношей и девушек. Но вот приветственные клики смолкают, в зале звучат первые слова песни Раймона. Он говорит любимой девушке, что она для него и земля, и народ родного края, и воплощение свободы. Он говорит ей, что будет ее любить и нежить, как любит и нежит землю хлебопашец. Он воспевает юношей, своих сверстников, в которых видит зарождающийся свет, преображающий их землю.

Толпа реагирует бурно. После одной из песен весь зал кричит, скандирует: «Дигем но. Дигем но. Ди-гем—но!» (Мы говорим: Нет!). Раймон пожимает плечами. Рукой, лежащей на струнах гитары, он делает жест, подражающий движению режущих ножниц. Толпа кричит: «Цензура, нет! Раймон, да!» Рядом со мной группа молодежи запевает запрещенную песню:

Нет голоду
И дням без хлеба.
Нет тюрьме
Куда уходят рабочие.
Нет
Я говорю: нет!
Ты говоришь: нет!
Мы говорим: нет!
Мы, мы из другого мира...

Кто же он? «Звезда»? Один из тех кумиров, которых создают себе восемнадцатилетние, чье энергия не находит иного выхода? Один из бездарных певцов, поднятых волной этого поклонения на вершину незаслуженной славы, как поднимается ввысь мощной струей фонтана пустая винная скорлупа?

Я знал, что в ближайшие дни близ закрытого университета, охраняемого полицией, в встречу двадцати студентов с лицом, светлыми глазами и голосом Раймона. Они читают те же книги; они восторгаются тем же, чем восторгается Раймон, и мечтают о том же. И говорят: нет!

□

КРАМОЛЬНАЯ ПЕСНЯ ПИТЕРА СИГЕРА

ИЗВЕСТНЫЙ американский певец и общественный деятель Питер Сигар, недавно гастролировавший в Советском Союзе, по возвращении на родину подвергся жестокой травле со стороны американских реакционеров. В газете «Нью-Йорк таймс» появилась статья под заголовком: «Пит Сигар поет против Америки!», в которой сообщалось, что он пел московским студентам свою «антиамериканскую песню «Король Генри». Члены профашистского общества Джона Берча подняли кампанию за срыв концерта, объявленного для студентов городе Вэконе, штат Нью-Йорк, где живет Пит Сигер. С помощью шантажа и угроз берчисты собирали подписи под петицией, требовавшей от властей запрещения концерта «красного певца». Однако усилия реакционеров потерпели крах: концерт состоялся с триумфальным успехом, переполненный зал с восторгом встречал народные, патриотические, веселые и трогательные песни Пита Сигара. И даже «Нью-Йорк таймс» вынуждена была сдержанно извиниться перед певцом, признав, что в заголовок статьи вкралась неточность».

Мы предлагаем вниманию читателей «Литературной газеты» перевод «крамольной» песни.

Питер СИГЕР

Король Генри

С войсками шел Генри-король
на войну,
окрасил он кровью речную волну,
в сожженный пустырь превратил
он страну...
То было в шестнадцатом веке.
Спокойнее наш шестьдесят
пятый год.
Помалкивай только, что бойня
идет,
что мирные села бомбит самолет,
и льются кровавые реки!
Приятель мой Саймон на этой
войне
был за океаном, в далекой стране,
письма написал он не армии мне,
и в нем рассказал свои беды:
«У вас, нас никто сюда в гости
не звал,
и рад нам здесь только
один генерал,
страну он в пустырь превратить
уговорил,
не чаял угроз для победы!
Боюсь я,— писал он,— своих
же солдат*,
под голову ночью кладу
автомат...»
И Саймон вернулся неделю назад
в гробу, за письмом своим следом.
Я лично в политику девять
не хочу,
смотрю телевизор, налоги плачу,
мне подвиги предков не по плечу:
боясь за свободу, здесь пал он.
Но утром, читая газету свою,
я голос сипрепых войн узнаю.
Мне снилась — мою дорогую
семью
сожгли беспощадно нападкою...

Перевели С. БОЛОТИН
и Т. СИКОРСКАЯ

* Эта строка является подлинной цитатой из письма одного из американских «советников» во Вьетнаме.

□

Гн СИЛЬВА,
французский журналист

ЖАН ФЕРРА ПОЕТ О «ПОТЕМКИНЕ»

ПРИ ВСТРЕЧЕ с Жаном Ферра вас прежде всего поражает его застенчивая улыбка. И его манера выражать свои мысли, привычка говорить: «Значит, его хорошо!» От его голоса, приятного и чуть протяжного, веет теплом и задушевностью, как от его песен.

Жан Ферра поет и сочиняет песни, которые очень нравятся французам.

А не так давно у него была совсем другая профессия, и только юноши и девушки из Иари, родного для Ферра парижского предместья, горячо аплодировали молодому химику, когда он с гитарой в руках появлялся на сцене какого-нибудь клуба.

«Я не пою для времапрепровождения»,—говорит, вернее поет Жан Ферра. Ведь песня «дает тысячу и одну возможность для выражения человеческих чувств; она позволяет касаться и серьезного, и смешного». Поэтому репертуар Ферра многогранен, как сама жизнь.

«Ночь и туман», песня, написанная им в память людей, которых поезда увозили в фашистские концлагеря, на смерть, — несомненно, самое потрясающее его произведение. Он написал ее кровью сердца, в один день. «Федерико Гарсиа Лорка», «Урра!», «Цыгане», «Полуночники», «Молодежь», «400 черных детей», «Потемкин»... В песнях Ферра, которые пользуются огромной популярностью, всегда есть настроение, жизненная ситуация, лиризм. Они славят свободу и революционный подвиг, приветствуют незнакомых друзей, клеймят расизм, яростно защищают молодежь. Они звучали на Всемирном фестивале молодежи в Хельсинки, они собирают десятки тысяч слушателей на праздниках «Юманите». «Самое главное — петь о том, что любишь, и не попадать в плен одного жанра»...

Не существует нескольких Жанов Ферра: одного — для публики, другого — для круга людей, связанных с ним профессиональными интересами, третьего — для журналистов. Он одинаков со всеми: прост и прямодушен. Реалистический склад ума позволяет Ферра оценить все изменения, происшедшие в его творческой и повседневной жизни, но успех не вскружил ему голову. У него остались прежние привычки и — что главное — прежние друзья.

ПАМЯТИ ДРУГА

Умер газетчик-коммунист, гвардии полковник запаса Семен Львович Лось. Он отдал служба в Советской Армии белая двадцати лет. Последние годы жизни, уже больной, он деятельно, не жалея себя, выполнял ответственные задания редакции «Литературной газеты». До самых последних минут Семен Львович жил интересами газеты, ее читателей, ее коллектива. Он умер на боевом посту, как старый солдат.

Семен Львович был человеком высокого нравственного долга и большого мужества. В молодости он участвовал в боях на реке Халхин-Гол. С первого дня Отечественной войны он на фронтах. С. Л. Лось был награжден тремя орденами Красного Знамени, двумя орденами Красной Звезды, орденом Отечественной Войны I степени, орденом «Знак Почета», орденом Народной Польши. Его воспитала Советская Армия, ее героические традиции. Семен Львович был Почетным чекистом.

В нашей памяти навсегда останется этот жизнерадостный, неутомимый человек, всегда готовый выехать в нелегкую журналистскую командировку, чтобы помочь людям.

ГРУППА ТОВАРИЩЕЙ

В связи с кончиной С. Л. Лося коллектив «Литературной газеты» выражает глубокое соболезнование его жене и другу, старейшему сотруднику редакции В. Ф. Елисеевой, а также родным и близким покойного.

Гражданская панихида и кремация состоятся 21 апреля в 18 час. 30 мин.

ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ имени А. М. ГОРЬКОГО Академии наук СССР
ОБЪЯВЛЯЕТ ПРИЕМ
в основную аспирантуру по специальностям: литература народов СССР, болгарская и румынская литературы; в аспирантуру без отрыва от работы: по теории литературы, итальянской и литературе США.
Принимаются лица, имеющие стаж работы по избранной специальности на менее двух лет.
Конкурсные экзамены с 1 по 15 сентября. Документы, вступительный реферат и опубликованные работы направлять в институт: Москва, Г-69, ул. Воровского, 25-а.

«Литературная газета» выходит по вторникам, четвергам и субботам

Адрес редакции и издательства: Москва И-51, Цветной бульвар, 30 (для телеграмм Москва, Литгазета). Телефоны секретариат — К 4-04-62, отделы: русской литературы — В 8-99-33, искусств — В 1-11-69, литератур народов СССР — В 8-59-17, внутренней жизни — К 4-08-05, иностранный — К 4-03-48, информации — К 4-08-69, писем — В 1-15-23, издательство — К 4-11-68. Коммутатор — К 5-00-00.

ИНДЕКС 50067 Типография «Литературной газеты»: Москва И-51, Цветной бульвар, 30. В—03962

Главный редактор А. ЧАКОВСКИЙ.
Редакционная коллегия: А. БЛИНОВ, Б. ГАЛАНОВ, Б. ГАЛИН, Г. ГУЛИА, Ю. КОМАРОВ, А. МАКАРОВ, Г. МАРКОВ, В. МЕДВЕДЕВ, С. НАРОВЧАТОВ, О. ПРУДКОВ, Ю. СУРОВЦЕВ (зам. главного редактора), А. ТЕРТЕРЯН (зам. главного редактора).